4
П-71 45
20/V
Лит-ка

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 45

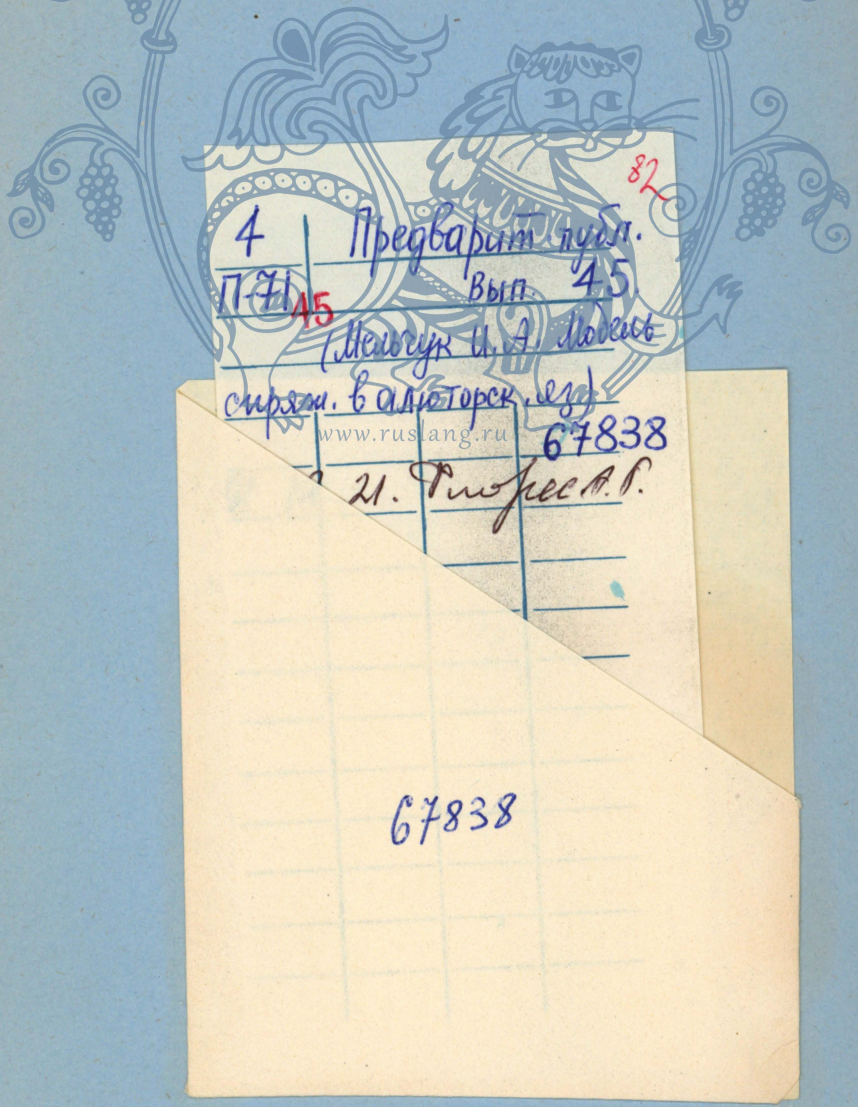
И. А. МЕЛЬЧУК

МОДЕЛЬ СПРЯЖЕНИЯ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ. I

Москва — 1973

Кавказ 38. Алкоторск. 21.

ИРЯЗ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

82

4	Предварит публ.
П 71 45	Вып. 45.
	(Мельгук И. А. Повесть строит. в Алкоторск. леспромхозе)
	67838
	21. Флорес А. Б.

www.ruslang.ru

67838

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР
Проблемная группа по экспериментальной и
прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 45

И.А.Мельчук

МОДЕЛЬ СПРЯЖЕНИЯ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ.I

Москва - 1973

4
П-71 45
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
67838

wáttin aŋiŋməsʔatɣərŋən ɣə́mnan
təkálin Qupqínaŋ, Opávŋavakkanaŋ;
Qúpqi awíntatka nəʔítən qətə́mmə
takálin nəmə́lʔin jíləjil.

Посвящается Хупхи Ониав, без чьей самоотверженной помощи эта работа не была бы написана.

В настоящей публикации предлагается описание системы личных форм алюторского глагола[1] – в виде формальной модели, основанной на общей теории морфологии естественных языков, которая разрабатывается автором в рамках подхода "Смысл⇔Текст". Данная теория проверялась на конкретно-языковом материале; так, в соответствии с нею были построены фрагменты морфологических моделей для испанского (Мельчук 1965, 1967), венгерского (Мельчук 1968), русского (Еськова – Мельчук – Санников 1971) и татарского (Исхакова 1968, 1971) языков. Однако алюторский глагол представляет с теоретической точки зрения особый интерес в силу своей сложности, определяемой следующими факторами.

Во-первых, он имеет очень много личных форм: в данной работе учтено 585 словоизменительных личных форм алюторского глагола, но можно предполагать, что в действительности их больше (и притом в несколько раз, см. ниже, стр. 8–11 и 38 ; кроме того, имеется еще целый ряд неличных форм, см. стр. 8).

Во-вторых, алюторская глагольная словоформа может включать одновременно до в о с ь м и аффиксальных морфологических сегментов[2], не считая основу; кроме того, сама глагольная основа

[1] Алюторский язык – это один из чукотско-камчатских языков, близко родственный корякскому (= чавчувенскому) и чукотскому (см. Скорик 1958: 29–35, 1968 а). На нем говорит несколько сот человек в ряде населенных пунктов Северной Камчатки – в Олюторском, Карагинском и Тигильском районах Корякского национального округа (Анапка, Вывенка, Тиличики, Олюторка, Рекинники). Алюторский язык не имеет письменности; для записи алюторского материала нами используется фонемная транскрипция МФА со следующим упрощением: в начале слова перед гласной не пишется ʔ (гортанная смычка), обязательная в этой позиции, т.е. вм. ʔawwávi 'он ушел/уехал' мы пишем awwávi , вм. ʔəpáŋa 'суп, похлёбка' – əpáŋa и т.п. Относительно принятой нами системы фонем алюторского языка см. Примечание 1, стр. 93

[2] В действительности, даже больше: мы не учитываем различных видовых и aktionsart-ных суффиксов, вроде -tku- 'многократность' и т.п.

обычно также бывает производной или сложной, т.е., в частности, может представлять собой инкорпоративный комплекс (например, включать в себя основу смыслового объекта). Другими словами, алюторский глагол в высшей степени п о л и с и н т е т и ч е н, что согласуется с природой алюторского языка в целом.

В-третьих, соответствия между морфологическими (грамматическими) значениями и морфологическими показателями алюторских глаголов во многих случаях являются взаимнонеоднозначными – в двух следующих отношениях:

1) "Парадигматическая" неоднозначность.

С одной стороны, многие грамматические значения, или "граммемы", алюторского глагола имеют каждое по несколько альтернативных показателей (синонимия показателей): так, '1 sg' передается в роли субъекта префиксом t- (в индикативе и конъюнктиве), префиксом m- (в императиве), суффиксом -jʒəm в результативе , а в роли объекта – префиксом ina- или суффиксом -ʒəm. В силу синонимии морфологических показателей многие алюторские глагольные аффиксальные морфемы имеют по несколько алломорф, причем выбор между этими последними определяется громоздкими контекстными условиями, обычно находящимися в запутанных логических отношениях.

С другой стороны, многие морфологические показатели имеют каждый по несколько альтернативных грамматических значений (омонимия показателей): так, префикс ən- означает '2 sg'/'3 sg'/ /'2 du'/'3 du' (субъекта в императиве; при этом имеются и другие, различающиеся императивные формы 2-го и 3-го лиц в ед. и дв. числах). Подобная омонимия носит в ряде форм регулярный характер: так, во многих формах совпадают показатели 2-го и 3-го лиц (в ед. числе).

2) "Синтагматическая" неоднозначность.

С одной стороны, для многих показателей характерна кумуляция функций, т.е. слитное выражение нескольких граммем: так, префикс q- выражает сразу четыре граммемы – 2-ое лицо, ед. число, субъект, императив.

С другой стороны, для многих граммем характерно неоднократное выражение в пределах одной словоформы разными показателями

(морфологический плеоназм): так, значение конъюнктива передается отдельным префиксом -ʔ- и в то же время - специальными личными префиксами (в некоторых лицах); аналогично, значение аориста передается нулевым временны́м суффиксом и в то же время - специальными личными суффиксами (также в некоторых лицах).

Оба вида морфологической неоднозначности часто комбинируются друг с другом.

Более того, в алюторском языке возможно идиоматичное соединение регулярных словоизменительных морфем: морфема 1-го лица двойств. числа, соединяясь с морфемой-плюрализатором, дает в итоге значение '1-ое лицо множ. числа', т.е., например, mət- ... -mək - циркумфикс 1 du (mət-pigku-mək 'мы двое прыгнули'), -la- - плюрализатор, а форма с mət- ... -la- ... ... -mək имеет значение мн. числа (mət-pigku-la-mək 'мы многие прыгнули'). Подробнее об этом см. стр. 52, правила I.5, I.6, I.14, I.15, а также Примечание 6, стр. 110 и сл.

Все это крайне затрудняет распределение морф по морфемам и вообще выявление репертуара морфем.

В-четвертых, для спряжения алюторского глагола характерна значительная несимметричность: формы одного наклонения могут быть построены иначе, чем формы другого; формы 1-го и 2-го лиц отличаются по строению от форм 3-го лица - но не всегда, а опять-таки лишь в определенных условиях; формы результатива (≈ перфекта) совсем непохожи на остальные глагольные формы; и т.п. Многие из этих фактов имеют очевидное историческое объяснение, но это не облегчает синхронное формальное моделирование.

В-пятых, внутри глагольных словоформ осуществляются различные фонологические и морфонологические процессы-ассимиляции, усечения и т.п. В результате затемняются многие морфологические швы, так что наблюдаемые в речи алюторские глагольные формы нередко предстают весьма хаотичными с морфологической точки зрения звуковыми цепочками, в которых нелегко усмотреть логику их глубинной организации.

И, наконец, в-шестых, в алюторском спряжении имеется большое число вариантных форм, что при отсутствии фиксированной нормы означает необходимость учитывать и описывать все варианты.

Уже из этой беглой характеристики видно, что алюторский глагол представляет собой весьма интересный объект для проверки и уточнения универсальной морфологической теории. В нем, как в хорошем универмаге, есть почти все: причудливое совмещение специфических черт агглютинации и фузии; полисемия/омонимия и синонимия морф; разрывные морфы, нулевые морфы и разрывные морфы с нулевыми частями; супплетивизм алломорф и мегаморфы; богатая морфонология; явления, связанные с проблемами "значение vs. сочетаемость" или "нулевая морфа vs. эллипсис морфы"; и т.п. Не будет преувеличением утверждать, что алюторское спряжение (разумеется, как и спряжение в других чукотско-камчатских языках, типичным представителем которых является алюторский) самим своим существованием бросает вызов исследователю-морфологу. Данная публикация и является попыткой ответить на этот вызов[1].

x

x x

С самого начала работы автор многократно обсуждал как привлекаемые факты, так и предполагаемые решения с Л.Е.Кибриком, С.В.Кодзасовым и И.А.Муравьевой; их критика и советы во многом определили окончательный вид модели. Кроме того, рукопись была прочитана Л.Н.Иорданской, А.Е.Кибриком, С.В.Кодзасовым, И.А.Муравьевой, С.Е.Никитиной и Е.Н.Саввиной, замечания которых позволили устранить ряд неточностей и улучшить изложение; особенно глубокими и принципиальными были соображения Л.Н.Иорданской, С.В.Кодзасова и И.А.Муравьевой. Факты алюторского языка, использованные в работе, были проверены с Т.Н.Косовой. Всем названным здесь лицам автор выражает свою самую искреннюю признательность. За все ошибки, оставшиеся в работе, ответственность несет, разумеется, только автор.

[1] Сказанное на стр.3-6 вовсе не означает, будто чукотско-камчатские языки и, в частности, алюторский являются чем-то совершенно уникальным по своей морфологической сложности: существует немало других языков, которые могут поспорить с ними в этом отношении (например, кушитский язык беджа: см. Hudson 1973).

§ 1. Введение.

Материал; источники. Алюторский язык изучен, как известно, очень мало. До сих пор не опубликовано ни одного монографического описания этого языка, за исключением очерка А.Н.Жуковой - четкого и весьма информативного, но совсем краткого (Жукова 1938), а также статьи С.Н.Стебницкого (Стебницкий 1938); работа И.С.Вдовина (Вдовин 1956) осталась в рукописи и не была доступна автору этих строк. Отсутствуют и специальные исследования по тем или иным фрагментам алюторского языка. В силу этого источниками фактических сведений об алюторском спряжении были:

- глагольные парадигмы, приведенные в упомянутом очерке А.Н.Жуковой;
- глагольные парадигмы, записанные автором и другими участниками двух лингвистических экспедиций на Камчатку под руководством А.Е.Кибрика (в 1971-72 гг.);
- текстовый материал, собранный во время названных экспедиций.

Что же касается лингвистического анализа, то непосредственным фундаментом для нас могла быть только вышеупомянутая небольшая работа Жукова 1968. Однако в отечественной лингвистике имеется богатая традиция изучения и описания других чукотско-камчатских языков: начиная от основополагающих исследований В.Г.Богораза и более поздних описаний С.Н.Стебницкого, Г.М.Корсакова, Г.И.Мельникова, П.Я.Скорика, Е.А.Крейновича, Т.А.Молл, И.С.Вдовина, П.И.Инэнликэй, А.П.Володина и других, вплоть до недавно появившейся обстоятельной грамматики корякского языка А.Н.Жуковой - Жукова 1972 (в чукотской грамматике П.Я.Скорика - Скорик 1961 - описывается, к сожалению, только именное словоизменение). Разумеется, положения, установленные для родственных языков, не могут механически переноситься на интересующий нас алюторский. Тем не менее, значительная генетическая и структурная близость алюторского к корякскому и чукотскому позволяет нам в той или иной степени опираться на существующие описания этих языков.

Ограничения. В связи с предварительным характером настоящей публикации описываемая модель алюторского спряжения построена с соблюдением пяти следующих ограничений:

1. Отсутствует семантический анализ глагольных категорий, т.е. их смысл и употребление сколько-нибудь серьезно нами не описываются. Предлагаемые для них названия – это скорее условные этикетки, лишь намекающие на их смысловое содержание.

2. Рассматриваются исключительно личные утвердительные формы. Неличные формы алюторского глагола: инфинитив на -k/-kki, супин на -nvəŋ , причастие на -l2(ən) , деепричастия на am- ... -ta, ʒa- ... -ta, ʒeq- ... -ta, -kaŋa , отглагольное прилагательное на a- ... -ka, nomen actionis на -ʒərŋ(ən) и т.д., а также отрицательные конструкции (особого рода аналитические формы) полностью оставлены нами в стороне.

3. Игнорируется глагольное словообразование, исключительно богатое в алюторском; в частности, не рассматриваются суффиксы со значениями видового характера и т.п. Однако, как это обычно бывает, абсолютной границы между словообразованием и словоизменением здесь нет, и поэтому вполне вероятно, что некоторые из не включенных в нашу модель категорий следовало бы считать словоизменительными, так что в действительности мы не имели права абстрагироваться от них. Укажем здесь несколько возможных кандидатов на включение в глагольное словоизменение.

(1) Суффикс -lqiv- . С одной стороны, насколько можно судить по имеющимся в распоряжении автора данным, с помощью этого суффикса образуются формы, употребляемые в рассказах о событиях прошлого и имеющие значения 'протяженности', 'незавершенности', 'многократности', а иногда – 'заглазности', 'пересказнательности'; т.е., грубо говоря, -lqiv- придает глаголу известную 'неопределенность', 'неточечность'. Формы с -lqiv- можно было бы, видимо, считать имперфектными, ср.:

(1) múri mət-júnat-əlqiv-ətkən, qəlávul
'Мы-двое мы-двое-жили , муж

ŋalvə́l?-ək vitát-əlqiv-ətkən, wásaq
табуне-в он-работал , иногда

ɣamɣá-ɣalvəl?-ək mət-ít-əlqiv-ətkən múri
разном-табуне-в мы-двое-бывали мы-двое

ɣa-qlávul-a (из рассказа старухи о ее жизни).
с-мужем'

(2) ɣə́mnin it-ə́lqiv-la-t ɣítaq uɣúɣu-t.
'У-меня они-двое-были двое детей.'

(3) ənnánu ɣa-qúra-ta-wa-ɣ-ə́lqiv-lin to
'Всякий-раз (он) олене-тренировал и

ʕitá-sit-ək ɣa-jánut-əlqiv-lin
гонять-ся он-первенствовал'
(т.е. '... бывал первым в гонках').

В (1) мы имели бы имперфект от презенса, в (2) от аориста и в (3) – от результатива. Скорее всего, формы на -lqiv- в данном значении следовало бы включить в состав алюторской глагольной парадигмы.

С другой стороны, однако, -lqiv- имеет еще и значение начинательности:

(4) piŋkú-lqi(v-1) 'он запрыгал',

(5) tə-jə́lqat-əlqi(v-ək) 'я заснул',

(6) nə-vítat-əlqiv-ətkə-na-t 'пусть они двое начинают работать'.

В этом значении суффикс -lqiv- сближается с такими суффиксами, как -tku- 'многократно', -sit- 'многократно'/'интенсивно'/'много субъектов или объектов' и т.п., которые как будто естественнее считать словообразовательными.

Не имея возможности решить, что именно перед нами: два омонимичных суффикса -lqiv$_1$- и -lqiv$_2$- или один суффикс с очень широким, достаточно неопределенным значением, мы описываем алюторское спряжение без форм на -lqiv-.

(11) Интранзитивирующий префикс ina- , не меняющий означаемое глагольной основы, но изменяющий ее синтактику – модель управления. По существу, это ina- следовало бы считать показателем среднего залога, а с семантической точки зрения изменение по залогам разумно относить к словоизменению. Нас, однако, пока удерживает от включения форм на ina- в

нашу модель отсутствие надежной информации о регулярности данного типа залогообразования в алюторском[1].

(iii) Каузативные циркумфиксы **n- ... -at / n- ... -av** и дезидеративный циркумфикс **ta- ... -ŋ** (исторически явно связанный с циркумфиксом следования **ta- ... -ŋ**, но в сугубо синхроническом аспекте омонимичный с ним[2]):

ret- 'приходить домой' – **n-ret-at-** 'приводить домой';
jup- 'висеть' – **n-jup-at-** 'вешать';
tə-vítat-ətkən 'я работаю' – **tə-tá-vitan-ŋ-ətkən** 'я хочу/собираюсь работать'.

Здесь нам тоже недостает информации о регулярности этих образований, а также о степени обязательности выражения соответствующих значений, т.е. об их грамматичности.

Для дезидератива имеется следующий (хотя и не окончательный) довод в пользу признания его словоизменительной категорией. А именно, суффиксальная часть дезидеративного показателя отделяется от корня плюрализатором субъекта/объекта **-la-**, который, бесспорно, является словоизменительным аффиксом:

mət -tá-vital- la -ŋ-ətkə-t 'мы многие хотим/собираемся работать'.

Отделение словообразовательного аффикса от основы словоизменительным аффиксом – вещь не вполне обычная; тем не менее, она в принципе возможна и практически встречается (ср., например, русское **-ся** и аналогичные возвратные частицы в других языках, которые могут быть словообразовательными аффиксами и при этом отделяются от основы глагольными флексиями), поэтому данный довод и нельзя признать окончательным.

(iv) "Статив" на **n- ... -jəəm**, **n- ... -jəət**, **n- ... -qin** и т.п., образуемые от глагольных основ и совпа-

---

[1] Подчеркнем, что аналогичные чукотские формы с префиксом **инэ-/эна-** анализируются П.Я.Скориком как залоговые – "обще-объектный залог" (Скорик 1960: 135-139).

[2] Ср. Жукова 1972: 221 об аналогичном циркумфиксе в корякском; А.Н.Жуковой предложен и сам термин "дезидератив" применительно к данным формам. О различии между циркумфиксом дезидератива и циркумфиксом следования в алюторском см. Примечание 2, стр. 100.

дающие по форме со спрягаемыми прилагательными (эти формы обнаружил в алюторском И.С.Вдовин). В чукотском языке именно эти образования выступают в роли обычных форм настоящего времени (II настоящее); в алюторском же они имеют значение постоянной готовности или склонности совершить действие (ср. Скорик 1958: 31-33: "Формами второго настоящего времени в алюторском... выражается длительное, не ограниченное во времени действия, в отличие от форм первого настоящего, которое обозначает действие, протекающее в момент речи, ср. алюторск. мәтәткиwәткән 'ночуем' (в момент речи), но нәткиwмуруwwи 'ночуем' (вообще) ... , тәлеткән 'иду' - нәлеjjәм 'хожу')".

В техническом аспекте формы статива устроены аналогично формам результатива; это естественно, поскольку и те, и другие суть, по своему происхождению, именные (= адъективные) образования. Возможно, что и в значениях обоих рядов форм есть общие компоненты, так что статив и результатив можно было бы рассматривать как единую подсистему личных форм, условно назвав ее, например, стативом и различая в ней стативы настоящего времени (на n- ... -jjәm, n- ... -jjәt, r- ... -qin, ...) и стативы прошедшего времени (на ɣa- ... -jjәm, ɣa- ... -jjәt, ɣa- ... ... -lin, ... , т.е. то, что в этой работе названо результативом). Тогда все алюторское спряжение в целом выглядело бы более стройным и симметричным; без форм на n-...-jjәm, n-...-jjәt,... результатив оказывается очень уж "внесистемным".

К сожалению, однако, в наших материалах слишком мало стативных форм, и мы не можем с достоверностью судить ни об их значении, ни о регулярности их образования. Это и заставило нас пока что отказаться от рассмотрения стативов в составе словоизменительных форм алюторского глагола.

Кроме того, картина алюторского спряжения и без того оказывается настолько сложной, что и в чисто методологическом плане целесообразно, по крайней мере, на первых шагах, не привлекать некоторые категории к рассмотрению.

4. Попытка достаточно формально описать алюторское глагольное словоизменение предпринимается нами при отсутствии описаний

(хотя бы предварительных) других морфологических сфер: словообразования в целом, именного словоизменения, а также морфонологии и фонологии. Поэтому, в частности, морфонологические и фонологические правила для глагола (стр. 80 и сл.) устанавливались без знания общих морфонологических законов алюторского языка, что, разумеется, может вести к неполным, неточным и даже ошибочным формулировкам.

5. Алюторское спряжение описывается здесь исключительно на основе речи носителей одного говора – говора жителей поселка Вывенка (алют. wíwən); все наши информанты – носители этого говора. Данные о диалектном членении алюторского языка у нас отсутствуют; ничего не известно и о морфологических особенностях его говоров. Возможно, что отдельные расхождения между нашими материалами и данными А.Н.Куковой (см. Кукова 1968) объясняются именно различиями описываемых говоров.

Читатель должен иметь в виду, что основные положения концепции лингвистических моделей типа "Смысл ⇔ Текст" предполагаются известными и здесь не излагаются. Точно так же не излагается в общем виде и сколько-нибудь подробно применяемая морфологическая теория и универсальная схема формальной морфологической модели: мы ограничиваемся отдельными пояснениями (там, где они представляются особо желательными); в остальном читатель отсылается к публикациям, названным на стр. 3.

Строение работы. В § 2 дается беглая содержательная характеристика грамматических категорий алюторского глагола (разумеется, только тех, которые привлечены к рассмотрению в данной модели), т.е. характеризуется "внутренняя" сторона алюторской глагольной словоформы.

В § 3 описывается состав и линейное расположение морфологических сегментов в глагольных словоформах, т.е. характеризуется их "внешняя" сторона.

§ 4 посвящен формальному описанию глубинно-морфологических представлений ($ГМП^{сл}$) алюторских глагольных словоформ; здесь же даются требования к правильным (допустимым) $ГМП^{сл}$.

§ 5 содержит саму морфологическую модель, т.е. правила, за-

дающие соответствие между множеством всех возможных алюторских ГМП^{сл} и множеством всех возможных алюторских глагольных словоформ. Это и есть описание алюторского спряжения. Таким образом, § 5 является центральной частью настоящей публикации.

В § 6 собраны в виде отдельных примечаний лингвистические комментарии к тем или иным местам нашего изложения; именно здесь даются некоторые разъяснения по поводу определенных принимаемых нами решений.

Прежде чем перейти к изложению самой модели, необходимо подчеркнуть в высшей степени предварительный характер настоящей публикации. Использование явно недостаточного материала, практическое отсутствие лингвистических исследований по алюторскому языку, рассмотрение системы спряжения вне рамок единого описания языка в целом – все это повышает вероятность ошибок и несообразностей, в том числе – в самых существенных моментах. Предлагаемая модель не претендует ни на полноту, ни на адекватность даже в оговоренных выше пределах: вполне возможно, что в алюторском языке существуют глагольные личные формы, которые не могут быть синтезированы/проанализированы нашей моделью (недостаточная полнота); возможно также, что модель синтезирует / "без возражений" анализирует реально не существующие формы (недостаточная адекватность).

Поэтому главным в данной работе следует считать не конкретную трактовку конкретных алюторских фактов, а сам подход к описанию столь сложной морфологии и, в частности, применение к языковому материалу, особо богатому всяческими подвохами, ряда формальных средств, сконструированных в рамках некоторой общей морфологической теории. Фактически мы одновременно и проверяем наши теоретические построения, и хорошо иллюстрируем их.

Итак, сколь ни опасен и сомнителен первый шаг, он должен быть сделан. **Tok menɬyvula!** 'Начнем!' (букв. 'Ну, пусть-мы-начнем-многие').

§ 2. О строении означаемого алюторских глагольных словоформ: грамматические категории алюторского глагола.

В личных формах алюторского глагола выражаются следующие категории:

А. Семантические

1. Наклонение;
2. Время;
3. Результатив (≈ перфект);
4. Следование;

Б. Синтаксические

5. Лицо и число субъекта;
6. Лицо и число объекта.

А. Семантические (т.е. синтаксически не обусловленные) категории.

1. Наклонение: индикатив (изъявительное), императив (побудительное, или повелительное) и конъюнктив (сослагательное)[1].

Индикатив употребляется обычным образом - в повествовательных предложениях, но только утвердительных (в отрицательных же, как было отмечено выше, используются особые конструкции, нами здесь не рассматриваемые). Индикатив является в алюторском (как и в других языках) "прямым" наклонением, аналогичным номинативу - "прямому" падежу, падежу непосредственного называния вещей; точно так же индикатив - это наклонение "прямого" называния событий.

Продолжая нашу аналогию с падежами, можно сказать, что императив и конъюнктив - косвенные наклонения, причем в алюторском императив, пожалуй, более синтаксичен (т.е. чаще обуславливается синтаксически), наподобие русского винительного или алюторского творительного - "синтаксические" падежи в смысле Е.Куриловича, а конъюнктив более семантичен (в меньшей степени синтаксически обусловлен) - как творительный в русском или местный в алюторском, т.е. "семантические" падежи Куриловича.

[1] Эти наклонения указаны для алюторского в очерке А.Н.Куковой (Кукова 1968: 301), что соответствует системе наклонений в корякском (Молл 1960: 178; Кукова 1972: 192) и чукотском (Скорик 1968 b : 261) языках.

Императив имеет в алюторском гораздо более широкую сферу употребления, чем в русском или в западноевропейских языках. Обладая полной парадигмой, т.е. формами всех времен, лиц и чисел это наклонение служит не только для выражения пожелания, приказа, призыва и т.п., но и для передачи синтаксической зависимости соответствующей глагольной словоформы – в основном, от слов с модальным значением; типичный пример – конструкция с **áktəka** 'нельзя', 'невозможно':

áktəka mə-lqút-ək 'я не могу встать', букв. 'невозможно чтобы-я-встал';

áktəka qə-lqút-ɣi 'ты не можешь встать', букв. 'невозможно чтобы-ты-встал';

áktəka nə-lqút-ən 'он не может встать', букв. 'невозможно чтобы-он-встал'; и т.п.

Подобные употребления связаны, по-видимому, с наличием в значении императива модального компонента вроде 'надо', 'следует', 'требуется', 'пускай'; именно этот компонент обеспечивает также синтаксически независимые употребления императива – для выражения просьбы, предложения, приказа ("собственно императивные" употребления) и для выражения долженствования в различных аспектах:

qə-tváɣal(-ɣi), q-iná-ɯintat(-ɣi)!
'Ты-сядь , ты-мне-помоги!'

mən-ɬmsatura-la(-mək)!
'Мы-многие-давайте-отдохнем!'

a-tɣól-ka, mə-páɬtu-tva-k.
'Марко, я-пальто-сниму-ка' [≈ 'надо мне снять', 'пусть я сниму'].

q-iná-jəl(-ɣi) ŋərúqqə rúpliɯ, qinaq mə́-lqət-ək
'Ты-мне-дай три рубля , чтобы я-пошел-бы

maɣásin-əŋ, m-akmít-ən mímal.
магазин-в, [чтобы] я-взял-бы водку'.

‘ɪ̨ɲas	ɣə́mmə	vitát-ɔk,	mɔ-jə́lqat-ɔtkɔ(n).
Не-хочется	я[=мне]	работать,	я-ка-сплю’[≈ ‘буду-ка я спать’].

Очень похожие функции наблюдаются у императива, например, в венгерском языке, ср.:

Lassan járj! vs. Azt akarta, hogy lassan járj.
‘Медленно иди!’ ‘То он-хотел, чтобы медленно ты-шел’.

Ott essem el én! vs. Azt akarta, hogy ott el essem én.
‘Там пусть-паду я!’ ‘То он-хотел, чтобы там пал я’.

Ürítsük a hazáért e pohárt! vs. Azt akarta, hogy ürítsük a hazáért e pohárt.
‘Выпьем за-родину этот стакан!’ ‘То он-хотел, чтобы мы-выпили за-родину этот стакан’.

Конъюнктив обозначает нереальное действие, в частности – нереализованное условие; он употребляется и в протасисе, и в аподосисе условных предложений, в частности – при союзе **ŋavaq** ‘если (бы)’:

ŋavaq	**ɣə́mmə**	**ɛ́ɣɔv**	**nɔ-mál-ʔa**	**ta-jə́lqat-ɔk**
‘Если-бы	я	вчера	хорошо	я-поспал-бы

asɣɪ̨ɲʔə́lu	**nɔ-mál-ʔa**	**ta-vítat-ɔk.**
сегодня	хорошо	я-поработал-бы’.

Таким образом, императив и конъюнктив противостоят индикативу как косвенные наклонения прямому, причем алюторский конъюнктив, синтаксически обуславливаемый в меньшей степени, нежели императив, занимает в плане содержания, так сказать, промежуточное положение между индикативом и императивом. Этому отвечают такие же соотношения в плане выражения.

Индикатив и императив не имеют своих особых показателей наклонения, а характеризуются, прежде всего, специфическими наборами префиксальных лично-числовых показателей (справа от косой черты указаны показатели субъекта, возможные в объектном спряжении):

	Индикатив	Императив
1 sg (субъекта)	t-	m-
2 sg " - "	ø-/na-	q-/ən-
3 sg " - "	ø-/na-	n-/ən-
1 du " - "	mət-	mən-
2 du " - "	ø-/na-	q-/ən-
3 du " - "	ø-/na	n-/ən-

Как мы видим, императив отличается от индикатива не только физическим обликом своих лично-числовых префиксов (t- vs. m-, ø- vs. q-, ...), но и строение системы этих префиксов: в индикативе префиксы 2-го и 3-го лиц всегда тождественны, в императиве же префиксы во 2-ом и 3-ем лицах разные[1].

Конъюнктив имеет особую примету: -ʔ-, но обладает также и специфическим набором лично-числовых префиксов, который пересекается с наборами индикативных и императивных префиксов, не совпадая, однако, ни с тем, ни с другим:

	Конъюнктив
1 sg (субъекта)	t-
2 sg " - "	n-/nan-
3 sg " - "	n-/nan-
1 du " - "	mən-
2 du " - "	n-/nan-
3 du " - "	n-/nan-

Префикс 1 sg субъекта конъюнктива совпадает с префиксом 1 sg субъекта индикатива, а префикс 1 du субъекта конъюнктива - с префиксом 1 du субъекта императива; префиксы 2-го и 3-го лиц в конъюнктиве совпадают друг с другом, как в индикативе.

2. Время: презенс и аорист.

Алюторские презенс и аорист не следует отождествлять с настоящим и прошедшим временем, например, русского языка. Созда-

[1] Это, видимо, связано с тем, что в индикативе (и в конъюнктиве) главное противопоставление имеет место между "я" и "не-я", т.е. первым и не-первым лицом, а в императиве - между "ты" и "не-ты", т.е. вторым и не-вторым лицом. О соотношении рассматриваемых наклонений в корякском языке см. Жукова 1972: 251.

67837

ИРЯ
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ется впечатление, что противопоставление "презенс/аорист" в алюторском не столько временно́е, сколько видовое: аорист выражает 'точечность', 'замкнутость', 'завершенность', 'определенность', презенс - 'протяженность', 'открытость', 'незавершенность', 'неопределенность'. (Возможно, что 'аорист': 'презенс' ≈ 'горошина': 'горох' = 'хулиган': 'хулиганье'.) Неслучайно формы следования на ta- ... -ŋ в аористе имеют значение, грубо говоря, будущего с о в е р ш е н н о г о вида, а в презенсе - будущего н е с о в е р ш е н н о г о вида:

a-tirŋat-ka, ɬóro ta-ját-ŋ;
'Не-плачь, скоро он-придет';

skóla-k ta-vítat-ətkən.
'Школе-в он-будет-работать'.

Алюторское противопоставление "презенс: аорист" ближе, как нам кажется, не к противопоставлению "настоящее время: прошедшее время", как оно выступает в русском (читаю - читал), английском (**I write - I wrote**), французском (**j'écris - j'écrivis / j'écrivais**) и многих других современных языках, а к противопоставлению "презенс: аорист" древних индоевропейских языков, в особенности - древнегреческого (= "инфект: перфект" в латинском)[1]; ср. также "имперфект: перфект" в семитских языках, где имперфект обозначает незавершенное, длящееся или предстоящее действие, а перфект - завершенное (в общем независимо от реального времени действия).

[1] "Индоевропейские так называемые "временны́е" основы не обозначают собственно времени: греческая основа презенса обозначает развивающееся действие, основа аориста - действие само по себе... Значение индоевропейских "временны́х" основ сходно со значением славянских "видов", а не германских или латинских "времен"" (Мейе 1938: 212-213); "Индоевропейская глагольная система основывалась на противопоставлении видов; различение времен очевидным образом возникло позже этого противопоставления. Это верно не только относительно основы аориста, в котором прошедшее совершенное и будущее развились в результате относительно поздней дифференциации, но и относительно основы презенса" (Kuryłowicz 1964: 130-131).

Алюторский аорист семантически не маркирован: действие обозначается им в "чистом виде"[1]; презенс же осложняет обозначение действия значениями протяженности, постоянства, незавершенности и т.п.

Аорист имеет нулевой показатель, презенс - показатель -tkan/-tkəni-/-tkə- (см. Примечание 11, стр. 121).

Отметим также, что безобъектные формы аориста во всех трех наклонениях характеризуются специфическими лично-числовыми субъектными суффиксами (во всех лицах и числах):

		Индикатив	Императив	Конъюнктив
1 sg	(субъекта)	-k	-k	-k
2 sg	" - "	-j	-j	-n(a)
3 sg	" - "	-ʧ	-n(a)	-n(a)
1 du	" - "	-mək	-mək	
2 du	" - "	-tək	-tək	
3 du	" - "	-ɣəʔət	-na-t	

В презенсе же субъектные лично-числовые суффиксы в большинстве безобъектных форм отсутствуют.

3. Результатив.

Значение результатива можно приблизительно описать как 'имеются результаты действия, по которым можно судить об осуществлении действия'; обычный перевод форм результатива на русский язык: результатив (P) ≈ 'оказывается / по-видимому, имело место P'. Таким образом, результатив родственен по значению перфекту ряда современных западноевропейских языков (в то же время, результатив близок к перфекту некоторых языков и формально, см. ниже). Однако, как кажется, в алюторском результативе гораздо больше подчеркивается факт з а о ч н о г о суждения о ненаблюдаемом действии по его результатам, т.е. значе-

[1] Применительно к чукотско-камчатским языкам термин "аорист" используется и в другом значении: для называния "П настоящего", т.е. формы на n- ... -ɣəm и т.д. (которые выше были условно названы стативом); см., в частности, Скорик 1958: 26.

ние з а г л а з н о с т и, н е о ч е в и д н о с т и[1]. Это и заставило нас выбрать для обозначения данной категории новый термин (вместо возможного "перфективность").

Противопоставление результатива нерезультативу в алюторском возможно только в индикативе, причем результатив образуется только от основы аориста. Поэтому, рассуждая формально, мы могли бы считать результатив особым наклонением, не различающим времен, или особым временем, в котором не различаются наклонения[2]. Тем не менее, по содержательным соображениям мы выделяем результативность как отдельную категорию: принципиально, т.е. семантически результативность совместима и с разными наклонениями, и с разными временами, т.е. с точки зрения смысла вполне могло бы существовать противопоставление форм результатива презенса и аориста (*ɣawwávətkənlin 'оказывается, он ушел' vs. ɣawwávlin (*оказалось, он ушел') и форм результатива в разных наклонениях ('оказывается, он ушел' - 'хочу, чтобы оказалось, что он ушел' - 'если бы оказалось, что он ушел'). Тот факт, что в алюторском данные комбинации грамматических значений не реализуются, не препятствует, на наш взгляд, признанию результативности отдельной, автономной категорией.

Результатив имеет специальный показатель - префикс ɣa- - и набор специфических лично-числовых суффиксов субъектного согласования[3]:

---

[1] Тот факт, что именно компонент 'заглазность', 'неочевидность' является ведущим в значении форм на ɣa- ... -lin , указан (для корякского языка) А.Н.Жуковой (Жукова 1972: 198); она же связала с этими формами "повелительное" деепричастие на ɣa- ... -ta и выделила все образования на ɣa- в особую категорию неочевидности. Таким образом, наша трактовка алюторского результатива следует в этом аспекте предложению А.Н.Жуковой. Об обычности развития модального значения неочевидности на базе перфектного значения в самых разных языках, см. Серебренников 1960.

[2] В известных автору описаниях корякского языка формы на ɣa- ... -lin считаются формами прошедшего II (давнопрошедшего, прошедшего неочевидного), см. Молл 1960: 181, Жукова 1972: 234-235.

[3] О субъектном и объектном согласовании алюторского глагола см. ниже, стр. 23-24.

1 sg	(субъекта)	-jəm
2 sg	" - "	-jət
3 sg	" - "	-lin(a)
1 du	" - "	-muri
2 du	" - "	-turi

Отметим следующие особенности алюторского результатива.

1) В отличие от всех прочих личных форм, результатив лишен лично-числовых п р е ф и к с о в объектного согласования[1].

2) Результатив от переходных глаголов имеет пассивное значение:

awwáv-ətkən 'он уходит' - ɣ-awwáv-lin 'он, оказывается ушел';

но kəpl-ətkə-nin 'он избивает его' - ɣa-tkəpl-əlin 'он, оказывается, (был) избит' [а не 'избил'!].

Тем самым, формы результатива всегда непереходны. Существенная связь между перфектом и пассивом, столь отчетливо проявляющаяся в алюторском результативе, - это факт, типичный для многих языков[2].

3) Естественно, что у результатива не бывает объектного согласования: он согласуется только с подлежащим, которое в случае непереходного глагола соответствует семантическому субъекту, а в случае переходного глагола - семантическому объекту. В этом последнем случае обозначение субъекта выступает в функции аген-

---

[1] О субъектном и объектном согласовании алюторского глагола, см. ниже, стр. 23-24.

[2] "Один из ключевых моментов исследования индоевропейского глагольного залога - это отношение между перфектом и пассивом. Как указывалось уже достаточно давно, окончания и.-е. перфекта и окончания и.-е. медиопассива восходят к одному и тому же древнему набору окончаний... Факт общего происхождения перфекта и пассива хорошо засвидетельствован в современных языках, например, романских и германских... (Kuryłowicz 1964: 56) . Мы можем рассматривать и.-е. перфект как форму, обозначающую состояние (возникшее в результате предшествующего действия) и тем самым тесно связанную с медиопассивом. Общий семантический признак и.-е. перфекта и медиопассива - 'непереходность', а различительные признаки - 'состояние' (в перфекте) vs. 'действие' (в медиопассиве)..." (Kuryłowicz 1964:).

тивного дополнения (в инструменталисе), которое не требует согласования:

ɜnpəŋav-a ŋa-svítku-lin rílŋ-ən 'Старухой перерезана тетива' и
ɜnpəŋav-a ŋa-svítku-laŋ rílŋ-u 'Старухой перерезаны тетивы'.

В данной связи см. ниже, стр. 24-25 и Примечание 3, стр. 101.

4) Субъектные лично-числовые суффиксы результатива суть не что иное, как лично-числовые показатели сказуемости имен (существительных и прилагательных), ср.:

ŋa-píŋku-jŋəm – **ɜəmɲáɲɲus ŋavákke-ŋəm** [**ŋavakka + jŋəm**]
'оказывается, прыгнул-я' 'я-единственная дочь-есмь'

ŋ-ojúlat-iŋəc – **nɜmisʔe-ŋət** [**n + misʔa + jŋət** ⇒ **nɜmisʔeŋət**]
'оказывается, известен-ты' 'красив-ты-есть'

ŋa-ntɕmɣiv-turu(ww1) – **mej , túmɣ-ɜturu!**
'оказывается, потерянны-вы-суть' 'здравствуйте, товарищи!' [букв. 'товарищи-вы-суть']

ŋa-jɕlqal-laŋ – **víʔáj-u** **nɜ-líl-laŋ** и т.п.
оказывается, уснули-они' 'травы [pl. tantum] зеленые-суть'

Таким образом, с формальной точки зрения алюторский результатив – это спрягаемое по лицам и числам страдательное причастие[1], т.е. нечто очень сильно напоминающее, например, польский перфект:

pisał-e-m	**pisal-i-śmy**
pisał-e-ś	**pisal-i-ście**
pisał-ø	**pisal-i-ø**

В целом результатив и по своей некомбинируемости с другими категориями, и по строению его форм выпадает из общей системы

[1] Как отмечено для корякского языка А.Н.Жуковой (Жукова 1972: 263-264), форма причастия на **ŋa- ... -lin** материально совпадает с формой отыменных прилагательных типа **ŋa-X-lin** , имеющих значение 'снабженный/обладающий X-ом'. По всей видимости, обе формы тождественны по происхождению.

личных форм глагольного словоизменения, являлась одной из существенных причин ее несимметричности. (Ср. сказанное выше, стр. 11 относительно соотношения результатива и статива.)

4. Следование.

Значение грамматического следования - будущее по отношению к моменту речи, т.е. 'следование' (X) ≈ 'X будет иметь место после момента речи'; формы следования от основ презенса и аориста имеют, грубо говоря, значения несовершенного и совершенного будущего:

tə-tá-jəlqat-ətkən 'я буду спать',
tə-tá-jəlqat-ən 'я засну/посплю'.

Формы следования возможны только в индикативе (не-результатива); они образуются, как видно из примеров, посредством префикса ta- в презенсе и циркумфикса ta- ... -n в аористе. (Относительно совпадения циркумфикса следования с циркумфиксом дезидератива см. выше, стр. 10.)

Б. Синтаксические (т.е. обуславливаемые согласованием) категории.

5. Лицо и число подлежащего (= 'субъектное согласование"): 1, 2, 3 лица и единственное (sg), двойственное (du) и множественное (pl) числа.

Значения лица и числа не нуждаются в специальном пояснении; мы поясним только, что именно считается здесь подлежащим.

Понятие подлежащего для алюторского языка (и, естественно, языков аналогичного типа) строится следующим образом:

1) Единственный поверхностно-синтаксический актант при непереходном (обычно - семантически одновалентном) глаголе - подлежащее.

2) Набор показателей, которыми непереходный глагол-сказуемое реагирует на свое подлежащее, назовем "субъектным согласованием".

3) У алюторского переходного глагола имеется два набора показателей, реагирующие на два его основных актанта; тот из этих наборов, который ближе к набору "субъектное согласование" непереходного глагола, также признается "субъектным согласованием", а

второй набор называется "объектным согласованием".

4) Тот поверхностно-синтаксический актант (т.е. зависимый) переходного глагола-сказуемого, с которым сказуемое согласуется по субъектному согласованию, считается подлежащим; тот актант (зависимый), с которым сказуемое согласуется по объектному согласованию, считается (основным) дополнением.

Таким образом, подлежащее и дополнение различаются нами в принципе не по их собственной форме, а только по типу реакции сказуемого на них. Подлежащее в алюторском бывает в номинативе (при непереходных глаголах и при результативе, см. ниже), в инструменталисе (не названия людей при переходных глаголах в нерезультативной форме) и в локативе[1] (названия людей при переходных глаголах не в результативе); наличие подлежащего в косвенных падежах при основном дополнении в номинативе - это и есть эргативная конструкция. (Относительно эргативной конструкции в чукотско-камчатских языках см., в частности, Скорик 1948, Скорик 1954: 249-251, Скорик 1967, Инэнликэй - Недялков 1967, Жукова 1967, Володин 1967. Мы не можем специально останавливаться на точках зрения развиваемых в этих работах; отметим только, что наш поход содержательно близок к позиции А.Н.Жуковой, но расходится с трактовкой П.Я.Скорика, предложенной в Скорик 1954, 1967, в соответствии с которой обозначение объекта при чукотском переходном глаголе - подлежащее, а обозначение субъекта - косвенное дополнение.)

В результативе имеется только одно согласование - как у непереходных, так и у переходных глаголов; в соответствии со

---

[1] Мы оставляем открытым вопрос о том, являются ли падежные формы (названий людей) на -nak (ед.ч.) и - tək (мн.ч.) в алюторской эргативной конструкции формами локатива или это формы инструменталиса (которые в данном типе склонения всегда омонимичны формам локатива). По этому вопросу существуют разные мнения; так, именно второе решение принимается в Молл 1960: 142-143 (для корякского языка) и в Инэнликэй - Недялков 1967: 258-260 (для чукотского языка); в Жукова 1968: 108 вводится особый - местно-творительный - падеж в соответствующем склонении. Дело, однако, в том, что употребление названий людей в форме инструменталиса не в агентивном значении крайне неестественно с е м а н т и ч е с к и и, может быть, именно поэтому до сих пор не зафиксированы соответствующие образования в орудийном, объектном и иных значениях, хотя чисто ф о р м а л ь н о они

сказанным это согласование должно считаться субъектным, и у переходных глаголов подлежащим результатива признается тот из двух его поверхностно-синтаксических актантов, с которым глагол в результативе согласуется. Тогда у результатива от непереходного глагола подлежащим будет обозначение его семантического субъекта, а у результатива от переходного глагола подлежащим оказывается обозначение его семантического объекта (т.е. в нашем описании результатив переходных глаголов, как уже говорилось, всегда пассивен).

Заметим, что в алюторском языке местоимение-подлежащее обычно опускается, если на него не падает логический акцент, так что вполне нормальными являются предложения, в которых лицо-число субъекта выражено в форме сказуемого соответствующими показателями, а "материального" обозначения субъекта, т.е. подлежащего, нет:

wasáq áktəka mən-ʒŋtulʔal-la(-mək)
'Иной-раз невозможно чтобы-мы-вышли-многие' ,

т.е. 'иной раз не можем выйти', где глагол стоит в форме 1 pl, хотя слово **murúwwi** 'мы-многие' в предложении не представлено.

Может создаться впечатление, что в подобных случаях говорить о с о г л а с о в а н и и с подлежащим некорректно: ведь реальное подлежащее в предложении отсутствует. Однако в действительности речь у нас идет о согласовании с подлежащим не в предложении, а в поверхностно-синтаксической структуре предложения, где подлежащее обязательно наличествует (его элиминируют специальные правила эллипсиса, применимые лишь после приписывания сказуемому всех согласовательных характеристик).

Наконец, следует отметить различие соотношений по числу между показателями субъекта, с одной стороны, 1 и 2 лица, и с другой стороны - 3 лица; см. Примечание 6, стр.10.

Лицо и число подлежащего выражаются:

- В не-результативе: либо циркумфиксами (в аористе), либо префиксами (в презенсе); суффиксальная часть субъектного цир-

---

возможны. Другими словами, мы допускаем принципиальную возможность противопоставления инструменталиса и локатива у названий людей, хотя фактические данные на этот счет у нас отсутствуют.

кумфикса элиминируется, если данный глагол - переходный и, стало быть, имеется объектный суффикс (см. Правило II Б.1, стр. 76), например:

я-аорист + увидеть + его
t-...-j + laʔu + n(a) = təláʔun 'я видел его' [но не *təláʔujn или *təláʔunaj ⇒ *təláʔune]

6. Лицо и число дополнения ("объектное согласование"): 1, 2 и 3 лица и единственное, двойственное и множественное числа (sg, du и pl, как в субъектном согласовании).

Алюторский переходный глагол в личной форме согласуется не только с подлежащим, но и с одним из своих дополнений: в общем случае - с прямым дополнением (в номинативе), однако имеются переходные глаголы (например, ivək 'говорить', jələ́kki 'давать'), которые согласуются либо с прямым (номинативным), либо с косвенным (дативным) дополнением, т.е. с дополнением адресата. В этом особом случае правила выбора "согласовательного" дополнения таковы:

(i) Если оба дополнения в 3-м лице, то сказуемое объектно согласуется с прямым дополнением.

(ii) Если хотя бы одно из дополнений не в 3-м лице, то сказуемое объектно согласуется с тем дополнением, которое имеет меньший номер лица (т.е. 1-ое лицо "сильнее" 2-го и 3-его, а 2-ое "сильнее" 3-его).

Примеры.

Случай (ii):

q-iná-jəl(-ɣi) ɣəmə́kəŋ átʔu qəlíppəl 'Ты-мне-дай (мне) еще хлеб!',
где глагол имеет объектный показатель 1 sg -ina- (т.е. согласуется с 'мне', а не с 'хлеб');

ənánnə ɣənə́kəŋ ən-jə́l-ətkəni-ɣət milɣəʕə́r 'Он (тебе) пусть-он-даст-тебе ружье',
с субъектным согласованием по 3 sg (с 'он') и с объектным согласованием по 2 sg (с 'тебе', а не с 'ружье').

Случай (1):

q-ív-ɣən ətə́kəŋ ə́nnan ivɣə́rgən! 'Ты-его-скажи им одно слово!' (показатель объекта - 3 sg , т.е. глагол согласуется со 'слово', а не с 'им');

q-ív-ɣəna(w(wi)) ənə́kəŋ mə́lləgin ivɣə́rgu! 'Ты-их-скажи ему пять слов!' (показатель объекта - 3 pl , т.е. глагол согласуется с 'пять слов', а не с 'он').

Местоимения-дополнения опускаются в тексте так же часто, как и местоимения-подлежащие, так что все, сказанное выше о субъектном согласовании, полностью относится и к объектному согласованию: здесь тоже имеется в виду согласование с дополнением в поверхностно-синтаксической структуре предложения, а не в самом предложении (где оно может быть элидировано).

Для показателей объекта характерны в точности те же самые различия в соотношениях по числу показателей 1-го-2-го лиц и показателей 3-го лица, что и для показателей субъекта, см. Примечание **6**.

Важно отметить, что субъект и объект могут совпадать по грамматическому лицу только в 3-м лице; иначе говоря, формы со значением 'он$_1$ - его$_2$', 'он - их', 'они - его', 'они$_1$ - их$_2$' возможны, а со значениями 'я - меня', 'я - нас', 'ты - тебя', 'вы - тебя' и т.п. - нет. В случаях реального совпадения субъекта и объекта ("возвратные ситуации", вроде 'я люблю себя (= меня)', 'он чуть не убил себя', ...) в роли объекта используется существительное **úvik** 'тело', в данном контексте эквивалентное русскому себя; естественно, что сказуемое объектно согласуется с **úvik** по 3 sg:

úvik təɣáŋgutkən 'Себя я-люблю';
qəmák úvik təmə́nnə 'Едва-не себя он-убил', т.е. 'Он чуть не убил себя'.

(Что же касается значений типа 'умываться', 'причесываться' и т.п., т.е. значений, которые в индо-европейских языках обычно передаются возвратными глаголами, то в алюторском языке подобные значения выражаются обычными непереходными глаголами:

t-ilɣətav-ətkən 'я умываюсь',
tə-pipətku-tkən 'я причесываюсь',
tə-kimitʔep-ətkən 'я одеваюсь' и т.д.)

Лицо и число дополнения выражаются только суффиксами - за исключением показателя 1 sg , который в одних случаях бывает суффиксом (-ɣəm) , а в других - префиксом (ina-) , см. правило II А. 20, стр. 65.

Три объектных суффикса совпадают с суффиксальными частями субъектных циркумфиксов:

	Субъект	Объект
3 sg	n- ... -n(a) [в императиве и конъюнктиве]	-n(a)
1 du	nət- ... -mək	-mək
2 du	ø- ... -tək na- ... -tək	-tək

Кроме того, объектный суффикс 2 sg -ɣət частично совпадает с суффиксальными частями субъектных циркумфиксов 2 sg и 2 du императива: q- ... -ɣi и q- ... -(ɣə)tki.

Однако эти совпадения достаточно нерегулярны и прихотливы, чтобы их стоило отражать в нашей модели каким-либо системным образом.

§ 3. О строении означающего алюторских глагольных словоформ : состав и расположение морфологических сегментов.

Как уже отмечалось, алюторская глагольная словоформа обычно имеет в своем составе большое число морфем. Для простоты мы отвлекаемся от инкорпорации, а также от словообразования, т.е. в данном описании мы считаем глагольную основу одной неделимой морфологической единицей[1]. Однако даже и при этом упрощении

[1] В действительности же основа глагола может состоять из пяти-шести морфем и (в силу наличия разрывных морф) из еще большего числа морфологических сегментов - морф и частей морф. Например: tərɣ-ənta -'мясо-приносить', junju-tərɣ-ənta -'кито-мясо-приносить', junju-tərɣ-ənta-sqiv - 'кито-мясо-приносить-отправляться', tə-junju-tərɣ-ənta-sqiv-at -'каузировать-кито-мясо-приносить-отправляться' (т.е. 'посылать за китовым мясом') и т.п.

алюторский глагол в личной форме (не в результативе) может включать одновременно шесть морф, представляющих шесть из следующих восьми морфем:

(1) основа;
(2) показатель лица-числа субъекта и наклонения;
(3) показатель лица-числа объекта;
(4) плюрализатор субъекта[1];
(5) дуализатор/плюрализатор объекта [в одной словоформе не может быть двух плюрализаторов или плюрализатора вместе с дуализатором, поэтому (5) не совместимо с (4)];
(6) показатель конъюнктива;
(7) показатель времени;
(8) показатель следования [следование возможно лишь в индикативе, поэтому (8) не совместимо с (6)].

При этом возникают трудности с описанием линейного расположения морфем. Дело в том, что многие морфемы содержат разрывные алломорфы, а именно - циркумфиксы, компоненты которых занимают, разумеется, разные позиции в словоформе, например: t- ... -k '1 sg субъекта + индикатив' (в аористе), или ta- ... -ŋ 'следование' (в аористе), или -la- ... -t 'плюрализатор субъекта' (в презенсе)[1] и т.д.; поэтому число морфологических сегментов в словоформе чуть ли не вдвое больше. Кроме того, имеется морфема - {1 SG. OBJ}, - содержащая в качестве разных алломорф и префикс (ina-) и суффикс (-ŋəm).

В силу сказанного представляется более удобным упорядочивать в правилах модели не морфемы, а морфы и компоненты разрывных морф. Для этой цели строится максимальная "обойма" алюторской глагольной словоформы - схема линейного расположения ее морфологических сегментов. "Обойма" - это последовательность позиций, или (м о р ф о л о г и ч е с к и х) п о р я д к о в.

Под (морфологическим) порядком понимается место, которое способны занимать (в линейной последовательности морфологических сегментов словоформы) взаимоисключающие морфы или компоненты морф из одной "парадигмы", т.е. элементы, противопоставлен-

[1] См. Примечание 6, стр.110

ные семантически. Порядки нумеруются следующим образом:

– Порядок основы получает номер 0.

– Порядки префиксальных морф и префиксальных элементов циркумфиксов получают отрицательные номера, считая справа налево от основы. Таким образом, морфа порядка –1 (если она есть) стоит обязательно непосредственно перед основой, т.е. это "предосновный" префикс; морфа порядка –2 – это префикс, который может отделяться от основы только префиксами порядка –1; и т.д.

– Порядки суффиксальных морф и суффиксальных элементов циркумфиксов получают положительные номера, считая слева направо от основы. Порядок +1 имеют морфы, способные стоять только непосредственно после основы, и т.п.

Номер соответствующего порядка приписывается каждому морфологическому сегменту – морфе или компоненту разрывной морфы, являясь неотъемлемой частью его синтактики, например:

$t_{(-1)} \dots k_{(+4)}$, $tkən_{(+3)}$, $ʔət_{(+4)}$, $la_{(+1)} \dots t_{(+5)}$.

Номера порядков обеспечивают правильное размещение морфологических сегментов в словоформе.

Для личных форм алюторского глагола введено о д и н н а д ц а т ь порядков (при этом основа считается занимающей один – "нулевой" – порядок независимо от ее действительной сложности). См. схему на стр. 32.

Относительно данной схемы представляются уместными два следующие содержательные разъяснения (впрочем, тесно связанные друг с другом).

1) В нашей схеме имеются несовместимые сегменты; таковы, в частности, префикс конъюнктива $-ʔ_{(-4)}$ и циркумфикс следования $-ta_{(-2)} \dots ʔ_{(+2)}$ (следование возможно только в индикативе). Действуя чисто формально, мы могли бы не отводить для -ʔ- отдельного порядка, а объединить -ʔ- с -ta- в одном порядке. Мы, однако, предпочитаем сохранять семантическое единство морфологических порядков, т.е. закреплять отдельный порядок за классом семантически родственных (= противопоставленных) элементов. Тогда вопрос о взаимном упорядочении в "обойме" реально несовместимых элементов приходится решать на основании целого ряда косвенных соображений.

Например, в случае с -ʔ- и -ta- мы опираемся на следующие неформальные доводы:

(i) -ʔ- должно быть ближе к лично-числовому префиксу, чем -ta- , поскольку -ʔ- морфонологически взаимодействует с префиксом (например, t + ʔ + c ⇒ ta, n + ʔ + c ⇒ na , см. правило II Б. 21, стр. 90).

(ii) -ʔ- , не сочетаясь с -ta- следования, сочетается с омонимичным -ta- дезидератива, и при этом предшествует ему.

Разумеется, при всех доводах подобного рода наши решения о приписывании порядков несовместимым сегментам являются достаточно условными.

Аналогично, несовместимы префикс результатива ɣa$_{(-3)}$ и префикс 1 sg объекта -ina-$_{(-1)}$, а также ɣa- и ta$_{(-2)}$ следования. Однако:

(i) В чукотском языке га- и -ина-/-эна- совместимы, причем га- предшествует, например: г-эна-пэля-й-гыт 'ты меня покинул', г-эна-пэля-лен 'он меня покинул', г-эна-пэля-торэ 'вы меня покинули' (Скорик 1948: 572-573; -эна- - сингармонистический вариант -ина-).

(ii) В самом алюторском ɣa- предшествует другому омонимичному -ina- : показателю интранзитивности (см. выше, стр. 9).

(iii) В алюторском же ɣa- предшествует дезидеративному -ta- (см. формы в Примечании 2, пункт 3, стр. 101).

Это заставляет нас помещать ɣa- в нашей "обойме" перед -ta- следования, которое реально предшествует -ina- 1 sg объекта (t-iná-tkəpl-ɔn 'он меня побьет').

Что же касается линейного соотношения лично-числовых префиксов и ɣa- , то здесь наше решение совсем условно: мы не можем привести даже косвенных доводов в пользу помещения первых слева от второго.

Особенно следует оговорить тот факт, что лично-числовые суффиксы субъекта и объекта сочтены элементами одной "парадигмы" и помещены нами в один и тот же морфологический порядок. Это сделано, в частности, потому, что субъектные суффиксы всегда появляются только вместе с субъектными префиксами и вместе

Схема

личной глагольной словоформы в алюторском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Порядок	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5
Типы морфологических сегментов	личнo-числовой показатель субъекта и наклонения	показатель конъюнктива	показатель результатива	показатель следования (префиксальная часть)	личнo-числовой показатель объекта 1sg	ОСНОВА	плюрализатор субъекта или объекта	показатель следования (суффиксальная часть)	показатель времени	личнo-числовой показатель субъекта или объекта	дуализатор/плюрализатор субъекта или объекта
Примеры	t-, q-, n-, ...	-ʔ-	ɣa-	-ta-	-ina-	-jəlqat-, -lqut-, -jəl- -iv-, ...	-la-	-ŋ-	-tkən-, -Ø-	-k, -j, ... , -lin(a), -muru, ... , -ɣət, -mək, -n(a), ...	-t , -(w(wi))

Вот несколько примеров словоформ и их соотношения с данной схемой:

-5 -4 0 +3 +4
t + ʔ + jəlqat + Ø + k (⇒ təʔjəlqatək ⇒ tajə́lqatək) ‘я поспал бы’;

-5 -1 0 +3 +4
q + ina + iv + Ø + ɣi (⇒ qinív(ɣi)) ‘скажи мне’;

-5 0 +3 +4 +5
mət + laʔu + tkə + n(a) + (w(wi)) (⇒ mətláʔutkəna(w(wi))) ‘мы двое/многие видим их многих’;

-5 -2 -1 0 +1 +2 +3 +4
Ø + ta + mətlaʔu + la + ŋ + Ø + +tək(⇒ tinálaʔulatək) ‘вы многие увидите меня’;

-3 0 +4 +5
ɣa+ viɢ + lin(a) + t(⇒ ɣavíɢəlinat) ‘оказывается, они двое умерли’.

с ними образуют – в нашем описании – единые, хотя и разрывные морфы (= циркумфиксы). Подобная несамостоятельность субъектных суффиксов и обусловила их отнесение к тому же порядку, к которому отнесены объектные суффиксы.

2) В силу резкого различия в морфологическом строении результативных и не-результативных форм представляется возможным использование двух разных обойм: для "настоящих" глагольных форм (= не-результатив) и для глагольных форм именного происхождения (= результатив и статив, если этот последний будет введен в рассмотрение). Именно так поступает П.Я.Скорик, говоря о двух р а з н ы х "структурных моделях" для личных форм глагола в чукотском и керекском языках (Скорик 1968 а: 262, Скорик 1968 с: 322), где в данном аспекте дело обстоит совершенно так же, как в алюторском.

Полностью признавая правомерность подобной трактовки, мы, однако, предпочли пойти на известные натяжки и условности, но иметь одну, единую обойму, или схему, алюторских глагольных словоформ – с тем, чтобы максимально прямо и последовательно отразить семантические факты (т.е. не помещать в один морфологический порядок элементы из разных категорий), а также подчеркнуть единство алюторской глагольной системы: каково бы ни было происхождение результатива, теперь он прочно вошел в глагольную парадигму. Ведь в русском (или польском) языке формы настоящего и прошедшего времени тоже имеют, строго говоря, разное морфологическое строение (в частности, за счет отдельных показателей числа и рода в прошедшем времени); тем не менее, как нам кажется, их целесообразнее описывать посредством одной "обоймы".

§ 4. Глубинно-морфологические представления личных форм алюторского глагола.

Модель спряжения должна представлять собой совокупность правил, определяющих соответствия между абстрактными морфологическими описаниями глагольных словоформ и самими словоформами (в фонемной транскрипции). Таким образом, для нашей модели необходимо задать два множества: множество глагольных словоформ и мно-

жество их абстрактных морфологических описаний.

Первое множество дано нам эмпирически: любая алюторская глагольная словоформа может быть получена посредством опроса носителей языка.

Второе множество (конструируемое исследователем на основе эмпирических данных) должно быть задано формально - посредством определенного набора правил, каковой и является содержанием данного параграфа.

Наиболее абстрактное морфологическое описание произвольной словоформы мы называем ее г л у б и н н о - м о р ф о л о г и ч е с к и м п р е д с т а в л е н и е м, сокращенно - ГМП.

ГМП некоторой словоформы - это 1) и м я (символ) соответствующей л е к с е м ы, т.е. указание соответствующей основы, снабженное 2) с и н т а к т и к о й, т.е. указанием всех комбинаторных возможностей данной лексемы, и 3) полной морфологической х а р а к т е р и с т и к о й, т.е. указанием всех морфологических значений, передаваемых данной словоформой. ГМП однозначно (с точностью до свободного морфологического варьирования) задает реальную словоформу.

Все морфологические значения, или "граммемы", представляемой словоформы должны быть изображены в ее ГМП эксплицитно, стандартно и абсолютно однозначно. В реальной словоформе некоторая граммема может быть выражена неоднократно, а несколько граммем могут передаваться одним показателем; одна и та же граммема в разных словоформах может выражаться по-разному, а разные граммемы - одинаково; и т.п. Все эти сложности снимаются в ГМП: каждая граммема представляется в ГМП словоформы один раз, всегда одинаковым символом и отдельно от прочих граммем.

ГМП личных форм алюторского глагола имеют следующий общий вид:

$$R(\Sigma)f;$$

здесь **R[radix]** - имя глагольной лексемы, т.е. по существу указание основы глагола;

(Σ) - синтактика данной лексемы (часть речи, переходность/непереходность и т.п.);

χ – характеристика, т.е. кортеж морфологических переменных, включающий следующие 8 переменных:

1) **m[modus]** – наклонение,
2) **t[tempus]** – время,
3) **s[sequentia]** – следование,
4) **r[resultativus]** – результатив,
5),6) p_S , n_S **[persona,numerus]** – лицо и число субъекта,
7),8) p_O, n_O – лицо и число объекта.

Переменная **R** может быть любой глагольной основой – простой (типа **it-** 'быть', **tek-** 'делать'), производной (**jun-at-** 'жить', **tə-ɬuqaj-u-v-** 'поить молоком', **tə-tkəŋav-at-** 'ругать') или инкорпорированной (**jugju-tərɣ-əgta-** 'кито-мясо-приносить', т.е. 'приносить китовое мясо').

Относительно синтактик см. Примечание 4, стр. 104; в наших примерах мы записываем синтактики сокращенно, указывая только те их компоненты ("признаки"), которые существенны для настоящего изложения, или даже вообще опускаем их. Не рассматриваем мы здесь и вопрос о различии между синтактиками лексем, морфем и морф, см. Еськова – Мельчук – Санников 1971: 9–11.

Морфологические переменные, составляющие характеристику ГМП алюторских глагольных словоформ, принимают следующие значения:

m = **ind(icativus), imper(ativus), conj(unctivus)**;
t = **praes(ens), aor(istus)**;
s = **post**, Λ [Λ – символ пустой цепочки – означает здесь "не-следование"];
r = **res**, Λ [Λ означает здесь "не-результатив"];
$p_S = 1_S, 2_S, 3_S$;
$n_S = sg_S, du_S, pl_S$;
$p_O = 1_O, 2_O, 3_O, \Lambda$
$n_O = sg_O, du_O, pl_O, \Lambda$ } [символы Λ означают здесь "безобъектная, т.е. непереходная, форма"].

Все символы Λ в ГМП опускаются в порядке сокращения.

Пример алюторского ГМП:

$\text{UVVAT}_{(V,tr)}\,conj, aor, 1_S, 2_O, du_O$,

т.е. "форма 1 pl субъекта при 2 du объекта конъюнктива аориста от переходного глагола uvvátɜk 'целовать'": ≈ 'мы многие поцеловали бы вас двоих'.

Говоря о ГМП, необходимо иметь в виду два следующие факта:

– Друг с другом совместимы не любые значения всех морфологических переменных, т.е. не всякая логически возможная морфологическая характеристика является фактически правильной (в алюторском языке). Характеристика, включающая значения всех необходимых морфологических переменных и не включающая ни одной запрещенной комбинации их значений, называется п р а в и л ь н о й.

– Не всякая конкретная основа совместима с любой правильной характеристикой: у данного глагола могут отсутствовать те или иные формы (определенные безличные глаголы не имеют никаких субъектных форм, кроме форм 3 sg ; непереходные глаголы не имеют объектных форм, а строго переходные, т.е. не-лабильные глаголы – безобъектных; и т.п.). Поэтому не всякое ГМП, содержащее правильную характеристику, должно реализоваться нашей моделью: модель отвергнет то ГМП, правильная характеристика которого несовместима с соответствующей основой.

Несовместимость определенных значений морфологических переменных учитывается с помощью специальных правил, или Требований I (см. ниже), задающих правильные характеристики в ГМП алюторских личных глагольных форм. Несовместимость некоторых основ с некоторыми правильными характеристиками учитывается с помощью другой группы правил, или Требований II (стр. 38), задающих п р а в и л ь н ы е ГМП (т.е. ГМП с правильной характеристикой, которая совместима с данной лексемой). На вход нашей модели подаются только правильные ГМП. Следует иметь в виду, что в данной публикации мы учли лишь невозможность образования объектных форм от непереходных глаголов и безобъектных форм – от строго переходных глаголов; от прочих случаев несовместимости конкретной основы с правильным ГМП мы отвлекаемся.

I.

Требования к правильным характеристикам ПМП алюторских глагольных словоформ.

1. Если s = post , то m = ind.

Формы следования возможны только в индикативе.

2. Если r = res , то m = ind, t = aor, s = Λ, $p_0 = \Lambda$, $n_0 = \Lambda$ [запятая обозначает конъюнкцию].

Результатив образуется только в индикативе аориста (т.е. без -tkan), не имеет форм следования и не согласуется с дополнением (= не имеет объектного согласования).

3. Если $p_s \neq 3_s$, то $p_s \neq p_0$.

Лицо субъекта может совпадать с лицом объекта только в 3-м лице: 'он$_1$ - его$_2$', 'они - его', ... , но не *'я - меня', *'ты - вас' и т.п. (см. выше, стр. 27).

4. Либо $p_0 = \Lambda$ и $n_0 = \Lambda$, либо $p_0 \neq \Lambda$ и $n_0 \neq \Lambda$.

Лицо и число объекта либо оба не указаны (в безобъектном спряжении), либо оба указаны (в объектном спряжении).

Учитывая возможные значения морфологических переменных (см. стр. 35) и данные требования, мы получим для алюторского глагола максимум в 585 ПМП с правильными характеристиками, а именно:

-4 полных набора лично-числовых форм (объектные и безобъектные формы) в индикативе (аорист и презенс - простые и со следованием);

- 4 полных набора лично-числовых форм в императиве и конъюнктиве (и там и там - аорист и презенс; следование в косвенных наклонениях невозможно);

- 1 неполный набор лично-числовых форм (только безобъектные) в результативе.

Каждый полный набор включает 72 формы: 9 безобъектных (3 лица x 3 числа субъекта) + 63 объектных (18 при 1-м/2-м лице субъекта + 27 при 3-м лице субъекта); неполный набор включает 9 безобъектных форм.

Итого:

4 x 72 + 4 x 72 + 9 = 288 + 288 + 9 = 585.

Таким образом, в нашем описании алюторский переходный глагол, допускающий также и безобъектные формы (лабильный глагол; см. Инэнликэй - Недялков 1967: 246-256), имеет 585 парадигматических словоизменительных форм; непереходный глагол имеет 81 форму. (В действительности, как уже отмечалось на стр. 3, глагольных форм, видимо, значительно - в 4-6 раз! - больше: за счет имперфектных образований на -lqiv- , дезидератива, стативных форм, среднего залога на ina- и неличных форм.)

К этому, однако, необходимы две оговорки.

Во-первых, вовсе не всякий глагол обладает всеми потенциально возможными формами. Так, только что было указано, что безличные глаголы определенного типа имеют лишь безобъектные формы при 3 sg субъекта; например, от arɣinat-ək 'дождить' образуется всего 9 форм; существуют безличные глаголы, имеющие субъектные формы только 3 pl . Возможны и другие недостаточные глаголы.

Во-вторых, вовсе не все глагольные формы физически различны: среди них много омонимичных, причем эта омонимия (как уже отмечалось) носит регулярный характер. Так, в индикативе (не результатива) и конъюнктиве совпадают формы 2 sg и 3 sg ; в объектном спряжении не различаются формы с субъектом двойственного и с субъектом множественного числа; и т.д.

II.

Требования к совместимости правильных характеристик с конкретными лексемами в составе ПМ алюторских глагольных словоформ.

1. Если $R_{(V)}$, то $\mathcal{X} = m, t, s, r, p_s, n_s, p_o, n_o$.

Морфологическая характеристика глагола (в отличие, например, от существительного, спрягаемого прилагательного и т.д.) должна иметь указанный состав.

2. Если $R_{(V,itr)}$, то $p_o, n_o = \Lambda$.

У непереходного глагола невозможны объектные формы.

3. Если $R_{(V,tr)}$, то p_o, $n_o \neq \Lambda$.

У строго переходного глагола невозможны безобъектные формы. В действительности, в данном требовании следовало бы оговорить формы с интранзитивирующим префиксом ina- , см. стр. 9 , от наличия которого мы в данном изложении абстрагировались, а также использование строго переходных глаголов с инкорпорированным объектом: в составе подобного инкорпоративного комплекса эти глаголы имеют безобъектные формы. Ср. замечание П.Я.Скорика относительного аналогичного явления в чукотском языке - Скорик 1948: 575.

Еще раз напомним читателю, что этот набор требований неполон.

Примеры правильных авторских ГМП:

1) $\text{JƏLQAT}_{(V,itr)ind,praes,post,2_s,du_s}$
(jəlqátək 'спать'; tajə́lqatətkənitək 'вы двое будете спать');

2) $\text{AWWAV}_{(V,itr)ind,aor,res,3_s,sg_s}$
(awwávək 'уходить', 'уезжать'; ʔawwávlin 'он, оказывается, ушел/уехал');

3) $\text{UʔALLA}_{(V,tr/itr)imper,aor,2_s,pl_s,1_o,pl_o}$
(uʔállak 'ждать'; ənúʔallalamək 'вы многие подождите нас многих');

4) $\text{NU}_{(V,tr)conj,praes,1_s,pl_s,3_o,sg_o}$
(túkki 'есть'; mánʔənulatkət 'мы многие ели бы его/это');

См. примеры 9)-12) на стр. 52-53.

Примеры неправильных ГМП:

5) $^{*}\text{JƏLQAT}_{(V,itr)imper,praes,post,2_s\ du_s}$ [запрещается требованием I.1]

6) $^{*}\text{AWWAV}_{(V,itr)conj,praes,res,3_s,\ sg_s}$ [запрещается требованием I.2]

7) $^{*}\text{UʔALLA}_{(V,tr/itr)imper,aor,2_s\ pl_s,2_o\ sg_o}$ [запрещается требованием I.3]

8) $^{\#}NU_{(V,tr)conj,praes,1_s,pl_s,3_o}$ [запрещается требованием I.4]

9) $^{\#}AWWAV_{(V,itr)ind,aor,3_s,sg_s,1_o,sg_o}$ [запрещается требованием II.2]

10) $^{\#}NU_{(V,tr)conj,praes,1_s,pl_s}$ [запрещается требованием II.3]

§ 5. Правила личного спряжения алюторского глагола.

В соответствии с принятой нами теорией, морфологическая модель алюторского спряжения должна состоять из четырех групп правил (ср. Мельчук 1968: 350-353):

I. Морфемные правила, устанавливающие соответствие между ГМП словоформы и набором морфем, описывающим эту словоформу, - ее поверхностно-морфологическим представлением (ПМП).

II. Морфемно-морфные правила, устанавливающие соответствие между ПМП данной словоформы, т.е. между набором ее морфем, и цепочкой представляющих (= основных) морф. Эти правила бывают трех типов и выполняют, соответственно, три операции:

а) Выбор представляющей морфы для каждой морфемы.

б) Линейное упорядочение морф и компонентов разрывных морф (в соответствии с указаниями в их синтактиках). Эти правила тривиальны и здесь не приводятся.

в) Выполнение морфологических эллипсисов (элиминация одних морф в контексте других).

III. Морфонологические правила, выполняющие над означающим каждой представляющей морфы все такие операции, которые так или иначе зависят от морфологии - от ГМП, от синтактик морф и т.п.; другими словами, с помощью этих правил из представляющих морф получаются те другие алломорфы (тех же самых морфем), которых требует морфологический контекст.

IV. Фонологические правила, выполняющие над означающим каждой морфы все такие операции, которые ни-

как не зависят от морфологии; другими словами, эти правила обеспечивают получение всех тех алломорф, которых требует чисто фонологический контекст.

Особняком стоят вспомогательные правила, стирающие в готовой словоформе[1] (при движении от ГМП к словоформе) разного рода технические символы, например, символы межморфных и словесных границ, скобки и т.п. Эти правила связаны сугубо с применяемым формализмом и не отражают никаких содержательных фактов алюторского языка. В данной работе они не даются.

Строение морфологической модели охарактеризовано здесь не в общем виде, а сугубо применительно к алюторскому языку. Так, в общей (универсальной) схеме предусмотрены еще и отдельные Правила акцентуации, которые определяют место (и характер, если это требуется) ударения в словоформе; эти правила, однако, нужны лишь для языков, где ударение может быть морфологически обусловлено и где оно хотя бы иногда служит для смыслоразличения - как, например, в русском или испанском (см. Еськова и др. 1971: 45-47; Мельчук 1967: 33). В алюторском же ударение "автоматично" - оно падает на первый слог двусложной словоформы и на второй слог трех- (и более) сложной словоформы (более точно об алюторском ударении см. ниже, стр. 93-95) и никогда не различает смысла; поэтому особая группа правил акцентуации здесь не нужна (как и в венгерском, французском, чешском или польском); в алюторском правила постановки ударения входят в состав фонологических правил, обеспечивающих окончательное оформление словоформ.

Кроме того, в группе I должны быть, вообще говоря, правила перехода не только к морфемам, но и к семействам знаменательных морфологических операций (в частности, к семействам значащих чередований), а в группе II - правила выбора конкретных знаменательных операций и правила их применения к морфам. Однако в алюторском спряжении знаменательные морфологические операции отсутствуют[2], поэтому на стр. 40 они и не упоминаются.

[1] Словоформа считается готовой, если к ней не удается применить больше ни одного правила модели.

[2] В словоизменении алюторского имени подобные операции используются: редупликация для образования номинатива ед. числа от ряда основ и значащее чередование (апофония) для образования многих вокативов.

Необходимо особо подчеркнуть, что морфонологические и фонологические правила даются здесь исключительно для цельности картины и не полностью, а лишь постольку, поскольку это необходимо для построения и понимания глагольных словоформ. Автор не занимался специальным исследованием морфонологии и фонологии алюторского языка; большинство правил в группах III и IV установлены С.В.Кодзасовым и приводятся здесь с его любезного согласия.

Прежде чем перейти к выписыванию самих правил модели, целесообразно сделать пять следующих разъяснений.

1. Форма правил. Самый общий вид правил таков:

1) $X \Leftrightarrow Y \mid C$ или 2) $X \Rightarrow Y \mid C$,

где X - левая часть, Y - правая часть, а C - условия применимости правила (а именно, C - это логическая формула, построенная посредством основных логических операций из требований либо к левой/правой части правила, либо к представлениям X-а, соответственно - Y-а на каком-либо ином уровне). Более подробная и более содержательная характеристика левой и правой частей правил, а также условий дается ниже - отдельно в каждой группе правил.

Что же касается стрелок $\Leftrightarrow$ и $\Rightarrow$ (о различии между ними см. непосредственно ниже), то они обозначают не простую операцию подстановки, как это принято в формальных грамматиках известных типов, а нечто более сложное: формально, применение правила

$X \Leftrightarrow Y$ или $X \Rightarrow Y$

к цепочке AXB означает для нас не замену цепочки AXB на цепочку AYB, а построение цепочки AYB н а р я д у с AXB. Исходная цепочка не изменяется и не уничтожается применением правила, а сохраняется вместе с результирующей цепочкой, являясь как бы еще одной особой проекцией в описании конструируемого языкового объекта. В основе такого понимания природы правил лежит следующее содержательное соображение. Всякий языковой объект - будь то словоформа, словосочетание, отдельное предложение или сложная фраза - полностью может быть охарактеризован лишь целым рядом представлений, которые должны существовать одновременно (наподобие разных плоскостных проек-

ний объемного тела). При построении или понимании некоторого объекта в принципе в любой момент может понадобиться представление любого уровня. Именно поэтому правила модели не перерабатывают представление уровня **n** в представление уровня **n + 1** или **n - 1**, а строят это последнее на основе исходного и наряду с ним; в процессе применения правил допускаются обращения (например, с целью проверки тех или иных условий) к представлению любого предшествующего или последующего уровня. Дело в том, что с содержательной точки зрения правила предлагаемой модели суть своеобразные ф и л ь т р ы, или т р е б о в а н и я к о к о н ч а т е л ь н о м у р е з у л ь т а т у работы модели в целом.

Поясним на примере, что именно имеется в виду. Пусть имеется часть характеристики

(1) conj, 3_s, sg_s

и два морфемных правила:

(2) conj, 3_s, sg_s $\Leftrightarrow$ {3 SG.SUBJ.CONJ} (правило I.2, стр.51),

и (3) conj $\Leftrightarrow$ {CONJ} (правило I.7, стр.52).

Если понимать (2) и (3) как подстановки, то к (1) можно применить только одно из них:

- либо (2), и тогда мы получаем

(1') {3 SG.SUB.CONJ}, причем (1') заменяет собой (1), и к (1') ни (2), ни (3) уже не применимы;

- либо (3), и тогда мы получаем

(1") {CONJ}, 3_s, sg_s - "неокончательный" результат, к которому также невозможно применить ни (2), ни (3).

Оба результата - и (1'), и (1") - не верны.

Однако (2) и (3) - это <u>не</u> подстановки: они означают, что если наша исходная цепочка - (1), то в результате должны содержаться правые части и правила (2), и правила (3). Поэтому мы применяем к (1) как (2), так и (3), не меняя при этом (1), и получаем правильный результат:

(4) {3 SG.SUB.CONJ}, {CONJ}.

Ср. пример 14 на стр.53.

Аналогичным образом, пусть имеется набор морф

(5) + tki + ∅ + wwi и
2 du_s 3 sg_0 pl_0

два правила морфологического эллипсиса:

(6) Нулевой суффикс объекта вытесняется ненулевым субъектным суффиксом (правило II Б.1 (2), стр. 75);

и (7) Плюрализатор объекта невозможен при нулевом суффиксе объекта (правило II Б.4, стр. 75).

Опять-таки, используемые как подстановки, эти правила могут дать неправильный результат: если к (5) применяется сначала (6), то мы имеем

(5') + tki + wwi , к чему (7) уже неприменимо; однако формы с исходом на $-^{*}$tkiwwi невозможны (см. Примечание 8, стр. 117). Только при обратном порядке применения правил (6) и (7) результат будет правильный:

(5") + tki + ∅ + wwi $\overset{(7)}{\Longrightarrow}$ + tki + ∅ $\overset{(6)}{\Longrightarrow}$ + tki.

Но упорядочивать правила мы принципиально не хотим, см. ниже, пункт 4, стр. 43, и в нашей модели порядок применения правил не задан.

Все дело в том, что (6) и (7) должны пониматься как такие требования к окончательному результату, которые должны выполняться о д н о в р е м е н н о ("одновременно" – в логическом, а не темпоральном смысле). Поэтому и без всякого упорядочения правил мы должны получать из (5) посредством (6) и (7) правильный результат (5") + tki.

2. Направленность правил. Чисто морфологические правила, а именно, правила групп I и II (за исключением правил морфологического эллипсиса, см. ниже), симметричны, т.е. безразличны к направлению; это показано двусторонней стрелкой ⟺ . Таковы в модели "Смысл ⟺ Текст" вообще все правила перехода с уровня на уровень, т.е. правила соответствия между объектами уровня n и объектами уровня n + 1 или n – 1 (например, правила соответствия между морфемами и морфами).

Морфологические и фонологические правила, а также правила морфологического эллипсиса антисимметричны, т.е. имеют опре-

делённое направление (определяемое в каждом конкретном случае конкретными свойствами описываемого языкового явления), что показано односторонней стрелкой $\Rightarrow$. Эти правила описывают преобразования в пределах одного и того же уровня, т.е. замену объекта или комплекса объектов уровня **n** другим объектом или комплексом объектов того же самого уровня **n**. Для подобных правил направление существенно (хотя их, разумеется, можно применять - например, при анализе текста - и в "обратном" направлении). Вопрос о принципах установления направления в правилах вида $X \Rightarrow Y$ не может рассматриваться здесь специально; мы ограничимся указанием двух основных соображений:

- от разнообразия к единообразию, т.е. если $x_1 \sim y$, $x_2 \sim y$, ..., $x_n \sim y$ (символ $\sim$ означает "чередуется"), то

$$\left.\begin{matrix} x_1 \\ x_2 \\ \dots \\ x_n \end{matrix}\right\} \Rightarrow y$$

(принцип сформулирован И.В.Пановым; например, в русском языке г $\Rightarrow$ д, поскольку есть и д $\Rightarrow$ д, и з $\Rightarrow$ д);

- от более "сложно" определимого контекста к более "просто" определимому контексту, т.е. если $x \sim y$ и **x** выступает в контексте K_1, а **y** - в контексте K_2, причем K_1 "сложнее" K_2 ($K_1 \supset K_2$, в частности K_1 = не K_2), то $x \Rightarrow y$ (например, в русском языке в случаях типа спросить - спрашивать чередование направлено так: о $\Rightarrow$ а, поскольку контекст для а - "а выступает перед суффиксом -ива-" - проще, чем для о - "о выступает во всех случаях, кроме как перед суффиксом -ива-").

Что же касается "направленности" всей модели в целом, то в принципе она симметрична, или обратима, т.е. нейтральна относительно направления от ГМП к означающему соответствующей словоформы (синтез) или от означающего словоформы к ее ГМП (анализ). Один и тот же набор правил должен обеспечивать обе операции, т.е. содержать сведения, достаточные и для того и для другого. В идеале предлагаемая здесь модель должна быть именно такой. Для целей изложения, однако, целесообразно выбрать и фиксировать какое-то одно направление; в данной работе это направление синтеза: от ГМП к означающему словоформы. Указанный выбор сказался на том, что в левых частях правил всегда помещаются единицы более глубинного уровня, в правых - единицы более по-

верхностного; затем правила классифицируются, группируются и упорядочиваются именно по левым частям. Никакого значения для содержания правил, т.е. для сути дела такой выбор, разумеется, не имеет.

3. Организация системы правил и их нумерация. Выражения вида $X \Leftrightarrow Y$ и выражения вида $X \Rightarrow Y$ с совпадающими левыми частями считаются подправилами одного правила; они собираются вместе, и левая часть выписывается только один раз.

Совокупность правил, как уже говорилось, разбита на четыре группы; группа может разбиваться на подгруппы, внутри которых собираются правила, содержательно и формально близкие друг другу.

Группы занумерованы римскими цифрами, подгруппы обозначены заглавными русскими буквами; правила нумеруются (в пределах каждой группы) арабскими цифрами, подправила (в пределах каждого правила) - арабскими цифрами в скобках; между обозначением группы и подгруппы и номером правила и подправила ставится точка. Таким образом, полные номера подправил имеют, например, такой вид:

I. 6 (2) - второе подправило правила 6 I-ой группы;
II А.18 (1) - первое подправило правила 18 подгруппы А II-ой группы; и т.п.

4. Порядок применения правил. Существенная особенность предлагаемой нами морфологической модели состоит в том, что мы сознательно отказываемся от наложения каких бы то ни было требований или ограничений на порядок применения правил. Это значит, что наши правила таковы (или, вернее, в идеале должны быть таковы), чтобы их в принципе можно было применять в любом порядке: при этом либо будет получен правильный результат, либо - на фактически ошибочном пути - вообще не будет получено никакого результата (т.е. возникает "тупиковый вывод"). В изложении правила расположены в естественном (с содержательной точки зрения) порядке: сначала морфемные правила, затем морфемно-морфные, морфонологические и фонологические; внутри групп упорядочение также стремится быть содержательно максимально естественным. Это способствует большей наглядности и лучшей обозримости правил. Применять их также удобно в том порядке, в котором они выписа-

ны, – однако это ни в коей мере не является обязательным: правильный результат будет рано или поздно достигнут при любом порядке их применения, причем формально окончательный, но фактически неправильный результат не должен быть получен никогда.

Вопрос о целесообразности эксплицитного, заранее заданного упорядочения применения правил (в лингвистическом описании) является дискуссионным; ср. последние по времени работы **Lehman** 1972 и **Ringen** 1972. Здесь мы, разумеется, не можем заниматься этим вопросом специально и ограничимся беглым изложением идеи, лежащей в основе нашего решения.

Если мы имеем правила **R1** и **R2** и, применяя их в указанном порядке, получаем правильный результат **x**, а применяя их в обратном порядке – неправильный (но формально окончательный!) результат **x'**, то это означает, по мнению автора, что мы упустили, т.е. не отразили в указанных правилах какие-то существенные сведения об описываемом языке – сведения, которые позволяли бы этим правилам отвергнуть форму **x'** как фактически неправильную. Полная информация о языке предполагает, в частности, умение отличать правильные формы от неправильных (общеизвестный принцип, выдвинутый в свое время Н.Хомским); и мы хотим, чтобы вся эта информация вносилась в описание в я в н о м в и д е, максимально эксплицитно. Передавая же какую-то информацию о языке порядком применения правил, исследователь, как нам кажется, маскирует часть языковых фактов, выражает их неявно, вносит в свое описание совершенно особое средство, резко отличное от символов, используемых в самих правилах. По нашему мнению, сведения о языке – это одна вещь, а оптимальная стратегия их использования для синтеза или анализа языковых единиц (в нашем случае – словоформ) – совсем другая вещь, и эти вещи хотелось бы не смешивать. В нашей модели мы заняты только первым, т.е. только подачей сведений об алюторском спряжении; поэтому мы и решили отказаться от какого бы то ни было принципиального упорядочения правил.

5. Обязательность правил. Все правила нашей модели, за исключением нескольких особо оговоренных (см. ниже), являются

обязательными в том смысле, что результат работы модели не считается окончательным, если к нему или, вернее, в процессе его получения можно применить еще какое-либо правило. Так, *inapilaj – формально неокончательная (а стало быть, неправильная) форма, так как к ней применимы еще два правила:

ЦУ А. 3: inapilaj ⇒ inapile и
ЦУ Б. 4: inapile ⇒ inápile;

после их применения мы имеем окончательную (и правильную) форму inápile ‘он покинул меня’, к которой больше нельзя применить ни одного правила.

Имеется, однако, несколько факультативных правил: таковы, например, правила опущения некоторых концовок слов, ср. mətáwwavlamək ~ mətáwwavla ‘мы многие ушли’, itə́lqivi ~ ~ itə́lqi ‘ты/он бывал’[где-либо], qətvə́yalyi ~ qətvə́yal ‘сядь’ и т.... Подобные опущения, широко распространенные в разговорной речи, не являются обязательными, так что вместо сокращенной формы всегда возможна полная. Поэтому правила III А.3-5 заключены в круглые скобки, показывающие их факультативность; при построении словоформ эти правила разрешается не применять. Аналогично обстоит дело с правилами III Б. 15-16 (факультативные ассимиляции каузативного префикса +n +l ⇒ ll и +n +r ⇒ rr).

Теперь, наконец, мы можем перейти к самим правилам алоторского личного спряжения. Начнем с перечня условных обозначений, используемых в правилах.

Условные обозначения.

$\underline{m}$ – морфа;
$\underline{m}^1 \ldots \underline{m}^2$ – разрывная морфа с компонентами $\underline{m}^1$ и $\underline{m}^2$;
$\underline{m}_{(p)}$ – морфа (или часть разрывной морфы), в синтактике которой имеется символ "p" (относительно состава синтактик к алоторским морфам см. Примечание 4, стр. 104);
{X} – морфема X;
R – основа (= морфа, имеющая порядок "o", т.е. $\underline{m}_{(o)}$);

suf – суффикс или суффиксальная часть циркумфикса (= морфа, имеющая положительный порядок, т.е. $\underline{m}_{(+1)}$);

pref – префикс или префиксальная часть циркумфикса (= морфа, имеющая отрицательный порядок, т.е. $\underline{m}_{(-1)}$);

$\emptyset$ – нулевая морфа (= имеющая в качестве означающего пустую цепочку фонем; при переходе к фонологическому уровню представления словоформ обязательно пропадает: $\emptyset \Rightarrow \Lambda$, см. стр. 79)

\+ – граница между морфами;

\# – граница словоформы;

\#\# – правая граница словоформы, возникшая в результате факультативной элиминации некоторых морф (см. правила III А.2-5, стр.80-81 и Примечание 14, стр. 127);

V – гласная;

C – согласная (в широком смысле термина: собственно согласная или глайд);

Λ – пустая цепочка ("X $\Rightarrow \Lambda$ " означает "стереть X");

$\in$ – "принадлежать" = "быть элементом" ($\underline{m} \in \{M\}$ означает "морфа $\underline{m}$ морфемы $\{M\}$ ");

$\notin$ – "не принадлежать" = "не быть элементом";

$\supset$ – "включать" = "содержать" (в смысле теории множеств);

/ – строгая дизъюнкция "либо – либо");

$L_{\pm i}(X)$ – i-тый слева/справа символ в цепочке X.

Полужирным шрифтом (= подчеркиванием) выделяются:

– в условиях к правилам – логические связки, а именно И, ИЛИ, ЛИБО – ЛИБО, ЕСЛИ – ТО, НЕ;

– в примерах к правилам – сегмент, к которому относится иллюстрируемое правило.

Круглые скобки используются для изображения факультативности: запись (ʒə)tki означает наличие двух свободно чередующихся морф – tki и ʒətki;

запись $C_1(+)C_2$ в левой части правила означает, что правило применимо как к $C_1 + C_2$ (т.е. на стыке морф), так и к

C_1C_2 (т.е. внутри морфы); и т.п.

В порядке повышения наглядности в круглые скобки заключены факультативно опускаемые морфы см. правила II А.4(2), II А.9(2), II А.11(2), II А.12(2), II А.27(1), хотя по существу это свойство морф должно отмечаться в их синтактике.

Фигурные скобки используются несколько раз для сокращения правил как обозначение альтернативы:

запись вида $\left\{\begin{matrix} a_1 \\ a_2 \\ \dots \\ a_i \end{matrix}\right\}$ в правиле означает "либо a_1, либо a_2, ..., либо a_i".

Запятая в правилах и в условиях к правилам обозначает конъюнкцию.

I. Морфемные правила.

В общем случае морфемное правило имеет следующий вид:

$$\begin{matrix} №. & (№_1)\ \xi & \Leftrightarrow & \{X_1\}, \{Y_1\} & | & C_{N_1} \\ & (№_2) & \Leftrightarrow & \{X_2\}, \{Y_2\} & | & C_{N_2} \\ & \dots & & \dots\dots\dots & & \\ & (№_k) & \Leftrightarrow & \{X_k\}, \{Y_k\} & | & C_{N_k} \end{matrix}$$

Здесь: 1) № - номер правила.

2) $(№_1)$ - номер подправила правила №; правило может и не иметь подправил.

3) $\xi = x_1, x_2, \dots, x_1$ - (неупорядоченный) набор элементов из исходного ПП.

4) $\{X_1\}$, $\{Y_1\}$ - морфемы, отвечающие набору элементов из ПП; $\{Y_1\}$ может отсутствовать. То, что в правых частях морфемных правил требуется не более двух морфем, -

это эмпирический факт, объясняющийся тем, что в алюторском языке неизвестны такие сочетания грамматических значений, которые выражались бы "сразу", "комбинированно", и притом более чем двумя морфемами. Впрочем, наличие большего числа морфем в правых частях данных правил никак не отразилось бы на общих особенностях их строения.

5) C_{N_1} – условие применимости подправила ($№_1$) правила № к исходному ГМП. C_{N_1} представляет собой логическое выражение, построенное с использованием отрицания, конъюнкции, простой и строгой дизъюнкции. В данных правилах все C_{N_1} суть определенные требования к составу характеристики в исходном ГМП.

Заглавные латинские буквы в правых частях морфемных правил (в обозначениях морфем) изображают те же переменные, что и строчные латинские буквы в левых частях правил: P – лицо, M – наклонение, T – время. В силу использования переменных выражения, которые даются ниже, это во многих случаях по существу не правила, а с х е м ы правил. Так, выражение I.2 – это схема девяти правил (3 лица x 3 наклонения), выражение I.9 – схема двух правил и т.п.; выражение I.1 представляет собой схему очень большого числа правил, равного числу алюторских глагольных лексем. Тем не менее, поскольку это не ведет к недоразумениям, мы позволим себе говорить обо всех выражениях I.1–I.15 просто как о правилах.

1. $R_{(\Sigma)} \Leftrightarrow \{R\}_{(\Sigma)}$

Синтактика лексемы механически переносится на соответствующую морфему, см. Еськова – Мельчук – Санников 1971: 31.

2. $m,\ p_s,\ sg_s \Leftrightarrow \{P.SG.SUB.M\}$

3. $m,\ p_s,\ du_s \Leftrightarrow \{P.DU.SUB.M\} \mid p_s \neq 3_s$

4. (1) $m,\ 3_s,\ du_s \Leftrightarrow \{3.SG.SUB.M\},\ \{DU\} \mid p_o = \Lambda$

(2) $\Leftrightarrow \{3.DU.SUB.M\} \mid p_o \neq \Lambda$

5.(1) $m, p_s, pl_s \Leftrightarrow$ {P.DU.SUB.M}, {PL 1/2} | $p_s \neq 3_s$ | либо $p_0 = \Lambda$; либо ($p_0 = 3_0$ или $n_0 = sg_0$)

(2) $\Leftrightarrow$ {P.DU.SUB.M} | $p_0 \neq \Lambda$, $p_0 \neq 3_0$, $n_0 \neq sg$

6.(1) $m, 3_s, pl_s \Leftrightarrow$ {3.SG.SUB.M}, {PL 3} | $p_0 = \Lambda$

(2) $\Leftrightarrow$ {3.DU.SUB.M} | $p_0 \neq \Lambda$

7. conj $\Leftrightarrow$ {CONJ}

8. post $\Leftrightarrow$ {POST}

9. t $\Leftrightarrow$ {T}

10. res $\Leftrightarrow$ {RES}

11. p_0, sg_0 $\Leftrightarrow$ {P.SG.OBJ}

12. p_0, du_0 $\Leftrightarrow$ {P.DU.OBJ} | $p_0 \neq 3_0$

13. 3_0, du_0 $\Leftrightarrow$ {3.SG.OBJ} , {DU}

14. p_0, pl_0 $\Leftrightarrow$ {P.DU.OBJ} , {PL 1/2} | $p_0 \neq 3_0$

15. 3_0, pl_0 $\Leftrightarrow$ {3.SG.OBJ} , {PL 3}

Правила I.1-15 представляют собой весьма ответственный "блок" нашей модели: именно эти правила формально задают репертуар алоторских морфем и тем самым определяют основные особенности морфологического строения глагольных словоформ. Однако в силу сложного соответствия между грамматическими значениями и грамматическими показателями в глагольной словоформе (см. выше, стр. 4-5) вопрос о выделении морфем во многих случаях оказывается очень непростым. Принятые нами решения не могут претендовать не только на единственность, но и на оптимальность. Поэтому мы сочли целесообразным указать в Примечании 5 (стр. 106) альтернативные решения для нескольких наиболее спорных трактовок, предложенных в правилах I.2-15. Относительно морфем {DU} , {PL 1/2} и {PL 3} см. Примечание 6, стр. 110.

Примеры (см. примеры 1)-4) на стр. 39).

11) $\text{ЭЛОАТ}_{(V,itr)}$ ind, praes, post, 2_s, du_s $\overset{I.1}{\underset{I.3}{\Leftrightarrow}}$ {ЭЛОАТ} {2 DU.SUB.IND}

$\overset{I.8}{\Longleftrightarrow}$ {POST}

$\overset{I.9}{\Longleftrightarrow}$ {PRAES}

[≈ 'вы двое будете спать']

12) AWWAV$_{(V,itr)}$ind,aor,res,3_s,sg_s $\overset{I.1}{\Longleftrightarrow}$ {AWWAV}

$\overset{I.2}{\Longleftrightarrow}$ {3 SG.SUB.IND}

$\overset{I.9}{\Longleftrightarrow}$ {AOR}

$\overset{I.10}{\Longleftrightarrow}$ {RES}

[≈'он, оказывается, ушел/уехал']

13) UPALLA$_{(V,tr/itr)}$imper,aor,2_s,pl_s,1_o,pl_o $\overset{I.1}{\Longleftrightarrow}$ {UPALLA}

$\overset{I.5}{\Longleftrightarrow}$ {2 DU.SUB.IMPER}, {PL 1/2}

$\overset{I.9}{\Longleftrightarrow}$ {AOR}

$\overset{I.14}{\Longleftrightarrow}$ {1 DU.OBJ}, {PL 1/2}

[≈ 'вы многие подождите нас многих']

14) NU$_{(V,tr)}$conj,praes,1_s,pl_s,3_o,sg_o $\overset{I.1}{\Longleftrightarrow}$ {NU}

$\overset{I.5}{\Longleftrightarrow}$ {1 DU.SUB.CONJ}, {PL 1/2}

$\overset{I.7}{\Longleftrightarrow}$ {CONJ}

$\overset{I.9}{\Longleftrightarrow}$ {PRAES}

$\overset{I.11}{\Longleftrightarrow}$ {3 SG.OBJ}

[≈'мы многие ели бы его/это']

См. примеры 15)-18) на стр. 69.

II. Морфемно-морфные правила.

Морфемно-морфные правила делятся на две подгруппы:

А. Правила реализации морфем морфами или последовательностей морфем - мегаморфами.

Б. Правила морфологического эллипсиса, т.е. правила элиминации одних морф в контексте других (несовместимость морф).

Правила подгруппы А имеют в общем случае один из двух следующих видов:

(1) № (1) $\{x\} \Leftrightarrow x'_1(\Sigma'_1) \cdots x''_1(\Sigma''_1) \mid C_{N_1}$

(2) $x'_2(\Sigma'_2) \cdots x''_2(\Sigma''_2) \mid C_{N_2}$

... .

(k) $x'_k(\Sigma'_k) \cdots x''_k(\Sigma''_k) \mid C_{N_k}$

Здесь: 1) № - номер правила.

2) (i) $\mid 1 \leqslant i \leqslant k$ - номер i-го подправила правила № (см. стр.50).

3) $\{x\}$ - морфема, подлежащая реализации.

4) $x'_1 \ldots x''_1$, $x'_2 \ldots x''_2$, ..., $x'_k \ldots x''_k$ - разные алломорфы морфемы $\{x\}$.

5) x'_j и x''_j - компоненты разрывной морфы - циркумфикса $x_j = x'_j \ldots x''_j$; x'_j - префиксальная часть, x''_j - суффиксальная часть. Либо x'_j, либо x''_j может отсутствовать, и тогда мы имеем либо суффикс x''_j, либо префикс x'_j или основу x'_j соответственно.

6) (Σ'_j), (Σ''_j) - с и н т а к т и к а сегментов x'_j и x''_j, т.е. разного рода сведения о сочетаемостных возможностях и особенностях этих сегментов, в частности, п о р я д о к - номер позиции соответствующего компонента разрывной морфы или соответствующей морфы в "обойме" глагольной словоформы. Подробнее о синтактике алюторских морф (в том числе - относительно условных обозначений элементов синтактики) см. Примечание 4, стр. 104.

7) C_{N_1} - условие применимости подправила (1) правила № к морфеме $\{x\}$. Условия здесь - как и в морфемных правилах - тоже являются требованиями к составу характеристики в исходном ГМП (за исключением одного случая: в правиле IIA.28 условия касаются последующей морфы). Таким образом, и содержательная и формальная природа условий к морфемно-морфным правилам другая: они предполагают не просто проверку каких-либо дополнительных свойств левой/правой части правила, а обращение к сведениям иного, более глубинного уровня.

(2) №. $\{x\}, \{y\} \Leftrightarrow z_{(n)} \mid c_{№}$

Правила этого типа описывают реализацию пары морфем одной "слитной" морфой, или м е г а м о р ф о й - т.е. нечленимой цепочкой фонем, представляющей две морфемы сразу. В нашей модели имеется всего одно такое правило: III А.7.

Правила подгруппы Б также имеют один из двух следующих видов:

(1) $\underset{\sim}{x}_{(n_i)} \in \{x\}, \underset{\sim}{y}_{(n_j)} \in \{y\} \Rightarrow \underset{\sim}{x}_{(n_i)} \in \{x\}$

что означает: "Морфа $\underset{\sim}{x}$ порядка n_i, принадлежащая морфеме $\{x\}$ и морфа $\underset{\sim}{y}$ порядка n_j, принадлежащая морфеме $\{y\}$, несовместимы в пределах одной словоформы, причем морфа $\underset{\sim}{x}$ имеет приоритет, т.е. при появлении обеих морф $\underset{\sim}{x}$ и $\underset{\sim}{y}$ одновременно, $\underset{\sim}{y}$ элиминируется".

(2) $\underset{\sim}{x}_{(n_i)} \in \{x\}, \underset{\sim}{y}_{(n_j)} \in \{y\} \Rightarrow \underset{\sim}{x}_{(n_i)} \in \{x\}/\underset{\sim}{y}_{(n_j)} \in \{y\}$,

что означает: " Морфы $\underset{\sim}{x}$ и $\underset{\sim}{y}$ несовместимы в пределах одной словоформы, но ни одна из них не имеет приоритета, т.е. если обе морфы $\underset{\sim}{x}$ и $\underset{\sim}{y}$ появляются одновременно, то любая из них элиминируется".

В : $\underset{\sim}{x}$ и $\underset{\sim}{y}$ могут быть не морфами, а компонентами разрывных морф, т.е., например, префиксальными/суффиксальными частями циркумфиксов.

А. Правила реализации морфем.

Правила реализации основных морфем не могут, разумеется, быть приведены здесь в полном объеме: их столько, сколько имеется глагольных основ в алюторском языке, и они должны даваться в словаре. Мы ограничимся демонстрацией нескольких образцов, т.е. предложим мини-фрагмент словаря алюторских глаголов, стремясь представить все основные разновидности основ. Эти "образцовые" правила позволят читателю, если он пожелает, самостоятельно производить синтез (и анализ) глагольных словоформ от данных основ. Данная подгруппа правил получает условное обозначение А.

Основные морфемы алюторского глагола имеют по одной представляющей морфе; часто эта морфа оказывается единственной алломорфой основы, в противном же случае прочие алломорфы почти

всегда (за исключением нескольких оговоренных ниже случаев) получаются из нее посредством достаточно регулярных морфонологических и фонологических чередований. Наличие у глагольной основы двух представляющих алломорф, находящихся в отношении супплетивизма (см. Мельчук 1972), - вещь, по-видимому, в алюторском невозможная (во всяком случае, автору неизвестны соответствующие примеры). Этим алюторские глагольные основы отличаются от алюторских глагольных аффиксов, у которых во многих случаях имеется более одной представляющей морфы, т.е. по паре или больше супплетивных алломорф.

Наличие же у глагольной основы двух алломорф, связанных нерегулярными или даже вообще уникальными чередованиями, встречается, но очень редко. В настоящее время автору известны четыре подобных случая:

1) глагол **lə2ákki** 'видеть', алломорфы **l2u** ~ **la2u** (правило II А.10);

2) глагол **təlákki** 'приходить (туда)', алломорфы **tla** ~ **tə** (правило II А.16);

3) глаголы **təttilək** 'впускать' и **təttuk** 'дуть', алломорфы **ttil** ~ **ttil** и **tttu** ~ **ttu** (правило II А.17). В этом последнем случае чередование, строго говоря, не является уникальным, и потому мы включили в модель соответствующее правило (III Б.2, стр. 85);

4) глагол **pəlákki** 'пить', алломорфы **lp** ~ **pl** (правило II А.18); здесь, однако, несмотря на отсутствие у нас сведений о наличии подобных метатез в других алюторских основах, мы все же включили данное (по-видимому, уникальное) чередование в нашу модель: см. правило III А.12 - руководствуясь желанием проиллюстрировать по возможности все формальные типы морфонологических правил.

А'. Правила реализации основных морфем (образцы).

В этих правилах ради большей компактности мы указываем синтактику только в правой части (при морфах). Обозначения, встречающиеся в синтактиках: 0 - нулевой порядок (= основа); **tr** - строго переходный, **itr** - непереходный, **tr/itr** - лабильный

глагол; $A_{n/t}$ – чередование n ~ t в данной морфе; $A_{сокр}$ – отпадение конечного -a в данной морфе; I – данная морфа требует после себя /ə/ перед согласным (подробнее об этом см. Примечание 4, стр. 105).

1. {jəlqat} ⇔ jəlqat$_{(o;itr)}$	jəlqát-ək 'спать'
2. {uʔalla} ⇔ uʔalla$_{(o;tr/itr)}$	uʔálla-k 'ждать'
3. {nu} ⇔ nu$_{(o;A_{n/t};tr)}$	tu-kki 'есть [что-либо]'
4. {jt} ⇔ jt$_{(o;tr)}$	jət-ə́kki 'сходить/съездить за чем-либо'
5. {ntəŋat} ⇔ ntəŋat$_{(o;A_{n/t};tr)}$	tətə́ŋat-ək 'подымать'
6. {jətki} ⇔ jətki$_{(o;tr/itr)}$	jətki-k 'стрелять'; 'бросать'
7. {nm} ⇔ nm$_{(o;A_{n/t};tr)}$	təm-ə́kki 'убивать'
8. {tra} ⇔ tra$_{(o;tr)}$	tərá-kki 'разрезать'
9. {ŋtu} ⇔ ŋtu$_{(o;itr)}$	ŋətú-kki 'выходить'
10. (1) {lʔu} ⇔ lʔu$_{(o;tr)}$ | не после $X=(C_1)V(C_2)$	ləʔú-kki 'видеть'; 'находить'
(2) ⇔ laʔu$_{(o;tr)}$ | после $X=(C_1)V(C_2)$	
11. {jtu} ⇔ jtu$_{(o;tr)}$	jətú-kki 'вытаскивать'; 'рожать'
12. {ŋŋat} ⇔ ŋŋat$_{(o;A_{n/t};tr)}$	əŋŋát-ək 'разбивать'
13. {ɣral} ⇔ ɣral$_{(o;itr)}$	ɣərál-ək 'блевать'
14. {pr} ⇔ pr$_{(o;tr)}$	pər-ə́kki 'снимать, стаскивать [одежду и т.п.]'
15. {imtip} ⇔ imtip$_{(o;I;tr)}$	imtip-ək 'брать на спину'
16. {ʔtla} ⇔ tla$_{(o;itr)}$ | после #	təlá-kki 'приходить (туда)'
(2) ⇔ la$_{(o;itr)}$ | не после #	
17. {tttil} ⇔ tttil$_{(o;tr)}$	təttíl-ək 'впускать'
18. {pl} ⇔ pl$_{(o;tr/itr)}$	pəl-ə́kki 'пить'
19. {vitat} ⇔ vitat$_{(o;itr)}$	vitát-ək 'работать'

20. {JAT} ⇔ jat$_{(o;itr)}$ — ját-ək ‘приходить (сюда)’

21. {IQUT} ⇔ lqut$_{(o;A_{отп};itr)}$ — qút-ək ‘подыматься’, ‘вставать’

A. Правила реализации аффиксальных морфем.

1.(1) {1 SG.SUB.IND} ⇔ t$_{(-5)}$			t=praes	t+iv+tkən (⇒ tivə́tkən ‘я говорю’)
(2) ⇔ t$_{(-5)}$…k$_{(+4)}$		r≠res	t=aor	t+iv+k (⇒ tivək ‘я сказал’)
(3) ⇔ jʒəm$_{(+4)}$		r=res		ʒa+iv+jʒəm (⇒ ʒivíʒəm ‘мне, оказывается, сказал(и)’, см. IV.14)
2.(1) {2 SG.SUB.IND} ⇔ ∅$_{(-5)}$		t=praes	либо p_0=Λ/3;	∅+iv+tkən (⇒ ivə́tkən ‘ты говоришь [ему/им]’)
			либо p_0=1, n_0=sg	∅+ina+iv+tkən (⇒ inivə́tkən ‘ты мне говоришь’)
(2) ⇔ na$_{(-5)}$	r≠res		p_0≠Λ,3, и не (p_0=1, n_0=sg)	na+iv+tkəni+mək (⇒ nivə́tkənimək ‘ты нам двоим говоришь’)
(3) ⇔ ∅$_{(-5)}$…j$_{(+4)}$		t=aor	либо p_0=Λ/3$_0$, либо p_0=1$_0$, n_0=sg$_0$	∅+iv+j (⇒ ivi, см. IV.5 и IV.14, ‘ты сказал [ему/им]’) ∅+ina+iv+j (⇒ inivi ‘ты/он мне сказал’)
(4) ⇔ na$_{(-5)}$…j$_{(+4)}$			p_0≠Λ,3$_0$ и не (p_0=1$_0$, n_0=sg$_0$)	na+iv+la+j+mək ⇒ na+iv+la+mək (⇒ nivlámək ‘ты нам многим сказал’)
(5) jʒət$_{(+4)}$	r=res			ʒa+iv+jʒət (⇒ ʒivíʒət, см. IV.14, ‘тебе, оказывается, сказал(и)’)

3.(1) {3 sg.SUB.IND} $\Leftrightarrow \emptyset_{(-5)}$		t= pra$\underline{g}$s	либо $p_0=\Lambda/3_0$, либо $p_0=1_0$, $n_0=sg_0$	$\underline{\emptyset}$+junat+tkən (⇒ junátətkən) 'он живет'; $\underline{\emptyset}$+lʔu+tkə+nina (⇒ ləʔútkənin) 'он видит его/ее'
(2) $\Leftrightarrow$ na$_{(-5)}$			$p_0\neq\Lambda,3_0$ и не ($p_0=1$, $n_0=sg_0$)	$\underline{na}$+laʔu+tkəni+$\underline{ɣ}$ət (⇒nalʔútkə-niɣət) 'он видит тебя'
(3) $\Leftrightarrow \emptyset_{(-5)}\cdots j_{(+4)}$	r≠ res		либо ($p_0=\Lambda$, $n_s\neq du_s$), либо $p_0=3_0$, либо $p_0=1_0$, $n_0=sg_0$	$\underline{\emptyset}$+viʕ+$\underline{j}$ (⇒ viʕi) 'он умер'; $\underline{\emptyset}$+juʔ+$\underline{j}$+nina+w [enátu] (⇒ $\underline{\emptyset}$+juʔ+nina+w ⇒ júʔənina(w)) 'он поставил их [в сети]'
(4) $\Leftrightarrow \emptyset_{(-5)}\cdots ɣəʔ_{(+4)}$		t= aor	$p_0=\Lambda$, $n_s=du_s$	$\underline{\emptyset}$+viʕ+$\underline{ɣəʔ}$+t (⇒viʕəɣəʔət) 'они оба умерли'
(5) $\Leftrightarrow$ na$_{(-5)}\cdots j_{(+4)}$			$p_0=\Lambda/3$ и не ($p_0=1$, $n_0=sg_0$)	$\underline{na}$+tkəpl+la+$\underline{j}$+məkmək (⇒natkəpləla-mək) 'он избил нас многих'
(6) $\Leftrightarrow$ l(in)a$_{(+4;A_{сокр})}$[1]	r=res, $n_s\neq pl_s$.			$\underline{ɣ}$a+awwav+$\underline{lina}$ (⇒ɣawwávlin) 'он, оказывается, ушел/уехал'

Относительно элемента -ɣəʔ- (в окончании -ɣəʔət), правило II А.3(4), см. Примечание 7, стр. 116.

[1] Символ "$A_{сокр}$" в синтактике морф означает, что данная морфа утрачивает конечное -a в абсолютном исходе словоформы; см. правило III А.2, стр. 80, а также Примечание 14, стр. 126.

4.(1) {1 DU.SUB.IND} ⇔ mət$_{(-5)}$	r≠ res	t=praes	mət+vitat+tkən (⇒ mətvítatətkən)	‘мы двое работаем’
(2) ⇔ mət$_{(-5)}$...(mək)$_{(+4)}$		t=aor	mət+awwav+mək (⇒ mətə́wwavmək)	‘мы двое ушли/ /уехали’
(3) ⇔ muri$_{(+4)}$	r= res		ŋa+awwav+muri (⇒ ŋawwávmuri)	‘мы двое, оказывается, ушли/уехали’
5.(1) {2 DU.SUB.IND} ⇔ ø$_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$		либо p_o=Λ, либо p_o=1_o, n_o=sg_o	ø+piŋku+tək (⇒ piŋkútək) ‘вы двое прыгнули’; ø+piŋku+tkəni+tək (⇒ piŋkútkənitək) ‘вы двое прыгаете’	
(2) ⇔ na$_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$	r≠ res	p_o=1_o, n_o≠sg_o	na+nətkəŋavat+la+ +tkəni+tək+mək (⇒ na+nətkəŋavat+ la+tkəni+mək ⇒ na- nə́tkəŋavallatkəni- mək) ‘вы двое ругаете нас многих’	II6.1
(3) ⇔ ø$_{(-5)}$...tki$_{(+4)}$		p_o=3_o	ø+nm+tki+ø(⇒ tə- mə́tki) ‘вы двое убили его/ее’	
(4) ⇔ turi$_{(+4)}$	r= res		ŋa+awwav+turi (⇒ ŋawwávturi) ‘вы двое, оказывается, ушли/уехали’	

Относительно трактовки элемента -tki (правило II A.5(3)) как показателя субъекта (а не как показателя объекта 3 лица) см. Примечание 8, стр. 117

6. {3 DU.SUB.IND} ⇔ na$_{(-5)}$	r≠res, p_o≠Λ	na+nətkəŋavat+la+ +mək (⇒ nanə́tkəŋa- vallamək)	‘они двое изругали нас многих’

7. {3 SG.SUB.IND}, {PL 3} ⇔ laŋ(+4) | r=res ŋa+awwav+laŋ(⇒ŋawwávlaŋ) 'они, оказывается, ушли/уехали'

В нашем описании -laŋ - это единственная мегаморфа алюторского языка; её наличие особо подчеркивается исследователями как специфическая особенность алюторского в противоположность корякскому (чавчувенскому) с его -линэ-в'/-лена-в' (Стебницкий 1938: 83, Скорик 1958: 31-32). Несколько раз встретившиеся в наших материалах формы 3 pl результатива на -lina-wwi являются, как нам кажется, заимствованиями из корякского и нами не учитываются. Не учтена в данной модели и вариантная форма -laŋin (отмеченная в Стебницкий 1938: 83 и в наших собственных записях), поскольку правила ее употребления выяснить не удалось.

8.(1) {1 SG.SUB.IMPER} ⇔ m(-5) | t=prass | m+jəlqat+tkən (⇒ məjə́lqatətkən) 'пусть я сплю'

(2) ⇔ m(-5)...k(+4) | t=aor | m+paļtutva+k(⇒ məpáļtutvak) 'пусть я сниму пальто'

9.(1) {2 SG.SUB.IMPER} ⇔ q(-5) | не (p_0=1, n_0≠sg_0) | t=pras | q+jəlqat+tkən(⇒qəjə́lqatətkən) 'спи!'

(2) ⇔ q(-5)...(ŋi)(+4) | | t=aor | q+tvaŋal+(ŋi)(⇒qətváŋal(ŋi)) 'садись!'; q+nm+ŋi..ŋəna(⇒ пб.i q++nm+ŋəna⇒qə́nməŋən) 'убей его!'

(3) ⇔ n(-5) | p_0=1 $_0$, n_0≠sg_0 | ən+uʔalla+mək(⇒ənúʔallamək) 'подожди нас двоих!'

10.(1) {3 SG.SUB.IMPER} ⇔ n(-5)...na(+4; $A_{сокр}$) | либо p_0=A/3 $_0$, либо p_0=1 $_0$, n_0=sg_0 | n+junat+tkə+na (⇒ nəjúnatətkən) 'пусть он живет'; n+ina+ŋtəŋat+na (⇒ ninátəŋatən) 'пусть он поднимет меня'

(2) $\Leftrightarrow$ ən$_{(-5)}$	либо $p_0=2_0$, либо $p_0=1_0$, $n_0\neq sg_0$	ən+uʔalla+la+tək (⇒ ənúʔallalatək) 'пусть он подождет вас многих'
11.(1) {1 DU.SUB.IMPER} $\Leftrightarrow$ mən$_{(-5)}$	t=praes	áktəkʷʔsʲɨmən+vitat+tkən (⇒ mənvítətkən) 'невозможно, чтобы мы двое сейчас работали'
(2) $\Leftrightarrow$ mən$_{(-5)}$...(mək)$_{(+4)}$	t=aor	mən+msatura+mək (⇒ mənʔmsaturamək) 'давайте мы двое отдохнем'
12.(1) {2 DU.SUB.IMPER} $\Leftrightarrow$ q$_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$	либо $p_0=\Lambda$, либо $p_0=1_0$, $n_0=sg_0$	q+jəlqat+tkəni+tək (⇒ qəjáʔqətətkəni-tək) 'вы двое спите!' q+ina+uʔalla+tək (⇒ qinúʔallatək) 'вы двое подождите меня!'
(2) $\Leftrightarrow$ ən$_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$	$p_0=1_0$, $n_0\neq sg_0$	ən+uʔalla+tək+mək (⇒ ənúʔallamək) 'вы двое подождите нас двоих!'
(3) $\Leftrightarrow$ q$_{(-5)}$...(ɣə)tki$_{(+4)}$	$p_0=3_0$	q+tniv+(ɣə)tki (⇒ qənnívə(ɣə)tki (ənʔkən ɣrvaq)) 'вы двое сшейте (ему рубашку)!'
13. {3 DU.SUB.IMPER} $\Leftrightarrow$ ən$_{(-5)}$	$p_0\neq\Lambda$	ən+tla+ɣət (⇒ ənʔllaɣət) 'пусть они двое отведут тебя'
14.(1) {1 SG.SUB.CONJ} $\Leftrightarrow$ t$_{(-5)}$	t=praes	t+ʔ+vitat+tkən (⇒ tavítatətkən) 'я (сейчас) работал бы'

(2)	$\Leftrightarrow t_{(-5)} \cdots k_{(+4)}$	t=aor	t+ʔ+uʔalla+na+k (⇒ t+ʔ+uʔalla+ +na ⇒ təʔuʔal-lan) ‘я подожда-ла бы его’
15.(1) {2 SG.SUB.CONJ}	$\Leftrightarrow n_{(-5)}$	t= praes	либо $p_0=1/3$, либо $p_0=1$, $n_0=sg$.	n+ʔ+tirŋa+tkən (⇒ natirŋatkən) ‘ты плакал бы’
(2)	$\Leftrightarrow nan_{(-5)}$		$p_0\neq 1,3$, и не ($p_0=1$, $n_0=sg$.)	nan+ʔ+nətkəŋav-at+tkəni+mək (⇒ nánʔənətkə-ŋavatətkənimək) ‘ты ругал бы нас двоих’
(3)	$\Leftrightarrow n_{(-5)} \cdots na_{(+4;A\ \text{сокр})}$	t=aor	либо $p_0=1/3$, либо $p_0=1$, $n_0=sg$.	n+ʔ+nətkəŋavat+ +na (⇒ nanʔtkə-ŋavatən) ‘ты по-ругал бы его’
(4)	$\Leftrightarrow nan_{(-5)} \cdots na_{(+4;A\ \text{сокр})}$		$p_0\neq 1,3$ и не ($p_0=1$, $n_0=sg$.)	nan+ʔ+tkəpɬu+la+ +na+mək (⇒ nan+ +ʔ+tkəpɬu+la+ +mək ⇒ nanʔətkəp-ɬulamək) ‘ты оглоушил бы нас многих’
16.(1) {3 SG.SUB.CONJ}	$\Leftrightarrow n_{(-5)}$	t= praes	либо $p_0=1/3$, либо $p_0=1$, $n_0=sg$.	n+ʔ+vitat+tkən (⇒ navitatətkən) ‘он (сейчас) ра-ботал бы’

(2) $\Leftrightarrow na_{(-5)}$

t=praes, $p_0 \neq 1$, 3 и не ($p_0=1_0$, $n_0=sg_0$): nan+ʔ+tkəpl+tkəni+ɣət (⇒ nanʔətkəplətkəniɣət) ‘он (сейчас) избивал бы тебя’

(3) $\Leftrightarrow n_{(-5)} \cdots na_{(+4;\,A_{comp})}$

t=aor, либо $p_0=1/3_0$, либо $p_0=1_0$, $n_0=sg_0$: n+ʔ+ina+tkəp-ɬu+na (⇒ nəʔinatkəpɬun) ‘он меня оглоушил бы’; n+ʔ+tkəpl+na+nina+t (⇒ n+ʔ+tkəpɬ+nina+t ⇒ nəʔətkəpləninat) ‘он избил бы их двоих’

(4) $\Leftrightarrow nan_{(-5)} \cdots na_{(+4;\,A_{comp})}$

$p_0 \neq 1$, 3 и не ($p_0=1_0$, $n_0=sg_0$): nan+ʔ+tkəpl+{na / mək} (⇒ nan+ʔ+tkəpl+mək ⇒ nanʔətkəpləmək) ‘он избил бы нас двоих’

17.(1) {1 DU.SUB.CONJ} $\Leftrightarrow mən_{(-5)}$

t=praes: mən+ʔ+jəlqat+tkən (⇒ mənʔəjəlqatətkən) ‘мы двое спали бы’

(2) $\Leftrightarrow mən_{(-5)} \cdots (mək)_{(+4)}$

t=aor: mən+ʔ+kjav+mək (⇒ mənʔəkjav(mək)) ‘мы двое встали (≈проснулись) бы’ ;

		mən+ʔ+oji+la+mək (⇒ mənʔójila(mək)) 'мы многие поели бы'
18.(1){2 DU.SUB.CONJ} ⇔ $n_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$	либо $p_0=Л$, либо $p_0=1_0$, $n_0=sg_0$	n+ʔ+ina+tkəpl+la+tək (⇒ nəʔinatkəpləlatək) 'вы многие избили бы меня'
(2) ⇔ nan$_{(-5)}$...tək$_{(+4)}$	$p_0=1_0$ $n_0\neq sg_0$	nan+ʔ+nətkəŋavat+tək+ +mək(⇒nánʔənətkəŋa- vanmək) 'вы двое поругали бы нас двоих'
(3) ⇔ $n_{(-5)}$...tki$_{(+4)}$	$p_0=3_0$	n+ʔ+jəl+tki+$ø^3$ sg (⇒ n+əʔ+jəl+ətki ⇒ nájələtki(ɬləɣəŋ qurána)) 'вы двое отдали бы его (отцу оленя)'
19. {3 DU.SUB.CONJ} ⇔ nan$_{(-5)}$	$p_0\neq Л$	nan+ʔ+tkəɬu+ɣəm (⇒ nanʔətkəɬuɣəm) 'они двое оглоушили бы меня'

Некоторые закономерности распределения алломорф лично-числовых субъектных показателей см. в Примечании 8, стр. 119.

20.(1){1 SG.OBJ} ⇔ ina$_{(-1)}$	$p_s\neq 3_s$	НАЛ $n_s=sg_s$
(2) ⇔ ɣəm$_{(+4)}$	$p_s=3_s$,	$n_s\neq sg_s$

ø+ina+eɣu+j ⇒ inéɣuj 'он укусил меня';
na+ta+eɣu+n+ɣəm ⇒ natéɣuɣəm 'они многие укусят меня'

21.(1){2 SG.OBJ} ⇔ ɣət$_{(+4)}$	$p_s\neq 1_s$	НАЛ $n_s=sg_s$
(2) ⇔ tək$_{(+4)}$	$p_s=1_s$,	$n_s\neq sg_s$

Наличие форманта -tək в роли показателя 2 sg объекта (а не 2 du объекта, как в большинстве случаев, см. правило II А.24) является еще одним доводом в пользу предположения П.Я.Скорика относительно исконного неразличения чисел в личных местоимениях и личных глагольных показателях чукотско-камчатских языков (Скорик 1954: 241). Отметим, что в объектных формах с объектом 2 sg и субъектом 1 du/pl в исследованном говоре алюторского языка наблюдаются значительные колебания: вм. "законного" -tək нередко используется -ɣət, т.е. происходит выравнивание по аналогии.

na+laʔu+ɣət ⇒ nalʔúɣət 'он увидел тебя';

t+uʔalla+tkəni+ɣət ⇒ tuʔállatkəniɣət 'я жду тебя';

nan+ʔ+uʔalla+ɣət ⇒ nanʔúʔallaɣət 'они двое подождали бы тебя';

mət+uʔalla+la+tək ⇒ mətúʔallalatək (ʔəɣwə́ŋŋaq) 'мы многие прождали тебя (целый день)'

22.(1) {3 SG.OBJ} ⇔ $na_{(+4;A_{сокр})}$ | либо $p_s=1_s$; либо ($p_s=2_s$, $n_s=sg_s$) и (m≠imprt или t=praes); либо $p_s=3_s$, $n_s\neq sg_s$

(2) ⇔ $nina_{(+4;A_{сокр})}$ | $p_s=3_s$, $n_s=sg_s$

(3) ⇔ $ɣəna_{(+4;A_{сокр})}$ | $p_s=2_s$: $n_s=sg_s$, m=imprt, t=aor; $n_s\neq sg_s$

(4) ⇔ $ø_{(+4)}$

(məŋ+ʔ+nm+la+mək+na ⇒) məŋ+ʔ+nm+la+na ⇒ məŋʔ́nmalan 'мы многие убили бы его';

(ø+akmit+j+nina+wwi ⇒) ø+akmit+nina+wwi ⇒ akminnina(w(wi)) 'он взял их многих';

q+pə́ŋlu+ɣəna+t ⇒ qəpə́ŋluɣənat (Moṭánti Marinanti) 'спроси их двоих (Мотю с Мариной)';

q+nwəŋa+la+ɣətki+ø ⇒ qənwə́ŋalaɣətki (ájak) 'вы многие погасите (свет)!'

23. {1 DU.OBJ} ⇔ mək$_{(+4)}$ ø+uʔalla+tkəni+mək
⇒ uʔállatkənimək
'ты ждешь нас двоих'

24. {2 DU.OBJ} ⇔ tək$_{(+4)}$ t+uʔalla+tkəni+tək
⇒ tuʔállatkənitək
'я жду вас двоих'

25. {DU} ⇔ t$_{(+5)}$ [см. Примечание 4, стр. 104]

26.(1) {PL 1/2} ⇔ la$_{(+1)}$ | r≠res | t=aor, или $p_s \neq 1_s$, или $p_o \neq \Lambda$

(2) ⇔ la$_{(+1)}$...t$^{1}_{(+5)}$ | t=praes, $p_s=1_s$, $p_o=\Lambda$

(3) ⇔ u$^{2}_{(+5)}$ | r=res

27.(1) {PL 3} ⇔ (w(wi))$_{(+5)}$ | m≠ind или $p_o \neq \Lambda$

(2) ⇔ la$_{(+1)}$...t$^{1}_{(+5)}$ | m=ind, $p_o=\Lambda$

См. Примечание 4, стр. 104 .

mət+ɣaŋŋu+la+tkəni+tək (⇒ mətɣáŋŋulatkənitək) 'мы многие любим тебя'/'мы многие любим вас многих';

məŋ+kəltətku+la+ø$^{a \cdot p}$ +tək (⇒ məŋkəltətkulatək) 'пусть мы многие свяжем тебя'/'пусть мы многие свяжем вас многих';

məŋ+ʔ+jəlqat+la+tkə+t (⇒ məŋʔəjəlqallatkət) 'мы многие спали бы';

ɣa+ret+muri+u (⇒ ɣarétəmuru) 'мы, оказывается, пришли домой';

n+ʔ+jəlqat+tkə+na+(w(wi)) (⇒ najəlqatətkəna(w(wi))) 'они многие спали он';

mət+nətkəŋavat+na+(w(wi)) (⇒ mətnətkəŋavanna(w(wi))) 'мы двое/многие ругаем их многих';

ta+ʔal+la+ŋ+ø$^{a \cdot p}$ +t (⇒ ʔəməkəŋ ɣóro táŋŋu) taŋʔállaŋ) 'они многие (мне потом врагами) станут' [+t утрачивается по правилу II Б.6(1), стр. 77];

vɪɣ+la+ø$^{a \cdot p}$ +t (⇒ vɪɣəlat) 'они многие умерли'

---

1 Относительно морфы la...t см. Примечание 10, стр. 121

2 В наших материалах имеются формы результатива только на -u, т.е. без конечного -ww: ɣajəlqaŋŋuru, ɣajəlqatturu и т.п. Однако в Скорик 1958: 33 приведены (со ссылкой на И.С.Вдовина, автора) формы вал'ʔмуцуwwи, нəпилатуруwwи. Возможно, здесь прояв-

28.(1){PRAES} ⇔ $tk\partial n_{(+3)}$ | $p_0 \neq 3_0$ И $m_{(+5)} \neq t$ | если $m_{(+4)} \neq \emptyset$, то: $m_{(+4)} \in \{1\ldots\}, \{2\ldots\}$

(2) ⇔ $tk\partial ni_{(+3)}$ | $m_{(+4)} \in \{1\ldots\} / \{2\ldots\}$

(3) ⇔ $tk\partial_{(+3)}$ | $p_0 = 3_0$ или $m_{(+5)} = t$

См. Примечание 11, стр. 121 .

Записи {1...} , {2...} обозначают любые морфемы 1-го и 2-го лиц, т.е. {1.SG.SUB.IND} , {1.DU.SUB.IND} и т.д.

ø+inarrat+tkən (⇒ inárratətkən) 'он развязывает' (≈ 'занимается развязыванием') ;

na+n+awwav+tkəni+ɣət (⇒ nanáwwavətkənitət) 'они увозят тебя';

29. {AOR} ⇔ $\emptyset^{aop}_{(+3)}$

30.(1){POST} ⇔ $ta_{(-2)}$ | t=praes

(2) ⇔ $ta_{(-2)} \ldots ŋ_{(+2)}$ | t=aor

t+ta+jat+tkən (⇒ tətájatətkən) 'я буду приходить (сюда)' ;

t+ta+jat+n+j (⇒ tətájatəŋ(i)) 'я приду';

ø+ta+qit+n+j (⇒ taqítəŋ(i)) 'ты замерзнешь'

31. {RES} ⇔ $ɣa_{(-3)}$

ɣa+it+lina (⇒ ɣíllin) 'оказывается, он был'

ɣa+laʔu+muri+u (⇒ ɣaláʔumuru) 'оказывается, нас многих увидели'

32. {CONJ} ⇔ $ʔ_{(-4)}$

n+ʔ+arŋinat+na (⇒ nəʔárŋinatən) 'пошел бы дождь' ;

mən+ʔ+laʔu+la+na (⇒ mənʔəlaʔulan) 'мы многие увидели бы его';

n+ʔ+ina+ɣaŋŋu+tkəni+tək (⇒ nəʔinaɣaŋŋutkənitək) 'вы двое любили бы меня';

n+ʔ+uvvat+nina+t (⇒ nəʔúvvanninat) 'он поцеловал бы их двоих'

или

n+ʔ+nətkəŋavat+nina+t (⇒ nanətkəŋavanninat) 'он поругал бы их двоих'

ляется различие обследованных говоров – или полные формы результатива не встретились нам просто случайно. Если верно второе, то морфа в правой части правила II А.26(3) должна иметь вид $-u_{(ww1)(+}$ на правилах в целом подобная замена, естественно, никак не скажется.

nan+ʔ+laʔu+la+tkəni+mək (⇒ nánʔəlaʔulatkənimək) ты/он видел бы нас многих'

nan+ʔ+ɣannu+tkəni+ɣət (⇒ nánʔəɣannutkəniɣ̌ət) 'он любил бы тебя';

nan+ʔ+nətkəɣavat+na+wwi (⇒ nánʔənətkəɣavanna(wwi)) 'они двое поругали бы их многих'.

Примеры (см. примеры 11)-14) на стр.52-53).

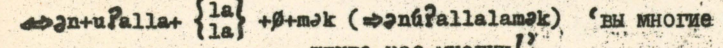
15) {JƏLQAT} , {2 DU.SUB.IND} , {POST} , {PRAES} ⇔

⇔ jəlqat(o) ∅(-5)···tək(+4) ta(-2) tkəni(+3) ⇔

⇔ ∅+ta+jəlqat+tkəni+tək (⇒ tajəlqatətkənitək) 'вы двое будете спать'

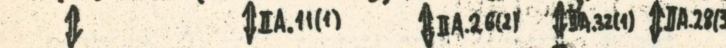
16) {AWWAV} , {3 SG.SUB.IND} , {AOR} , {RES} ⇔

⇔ awwav(o) (lin)ᵃ(+4;A_{comp}) ∅(+3) ɣᵃ(-3) ⇔

⇔ ɣa+awwav+∅+lina (⇒ ɣawwávlin) 'он, оказывается, уехал/ушел'

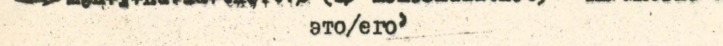
17) {UPALLA}, {2 DU.SUB.IMPER}, {PL 1/2}, {AOR}, {1 DU.OBJ}, {PL 1/2} ⇔

⇔ upalla(o) ən(-5) la(+1) ∅(+3) mək(+4) la(+1) ⇔

⇔ ən+upalla+ {la / la} +∅+mək (⇒ ənúpallalamək) 'вы многие подождите нас многих!'

18) {NU} , {1 DU.SUB.CONJ}, {PL 1/2}, {CONJ}, {PRAES}, {3 SG.OBJ} ⇔

⇔ nu(o;n/t) mən(-5) la(+1)···t(+5) ʔ(-4) tkə(+3) ∅(+4) ⇔

⇔ mən+ʔ+nu+la+tkə+t+∅ (⇒ mənʔənulatkət) 'мы многие ели бы это/его'

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

А04954 от 6 XII 1973 4,5 п.л. 150экз. Зак.№ 1688
Тип. МГПИИЯ